

ТУРПОХОД

Сергей Гаврилов

ТУРПОХОД

Повесть

Издательство Ирины Гудым
Николаев
2005

ББК 84 (4Укр-Рос)6-4
УДК 821.161.2
Г 12

*Иллюстрации художника
Михаила Кузьминых*

Г 12 **С.И. Гаврилов. Турпоход. Повесть.** — Николаев: Изда-
тельство Ирины Гудым, 2005. — 110 с., илл.
ISBN 966-8592-06-9

Жизнь — естественное следствие любви (так же, впрочем, как и смерть). Но что есть любовь? Это знание приобретается только индивидуальным опытом. На чужих ошибках не научиться. У каждого свои шишки, шрамы и травмы, не совместимые с жизнью. Поэтому любовь и смерть — вечные темы искусства.

ББК 84 (4Укр-Рос)6-4
УДК 821.161.2

ISBN 966-8592-06-9

© С. Гаврилов, 2005
© М. Кузьминых, иллюстрации, 2005
© Издательство Ирины Гудым, 2005

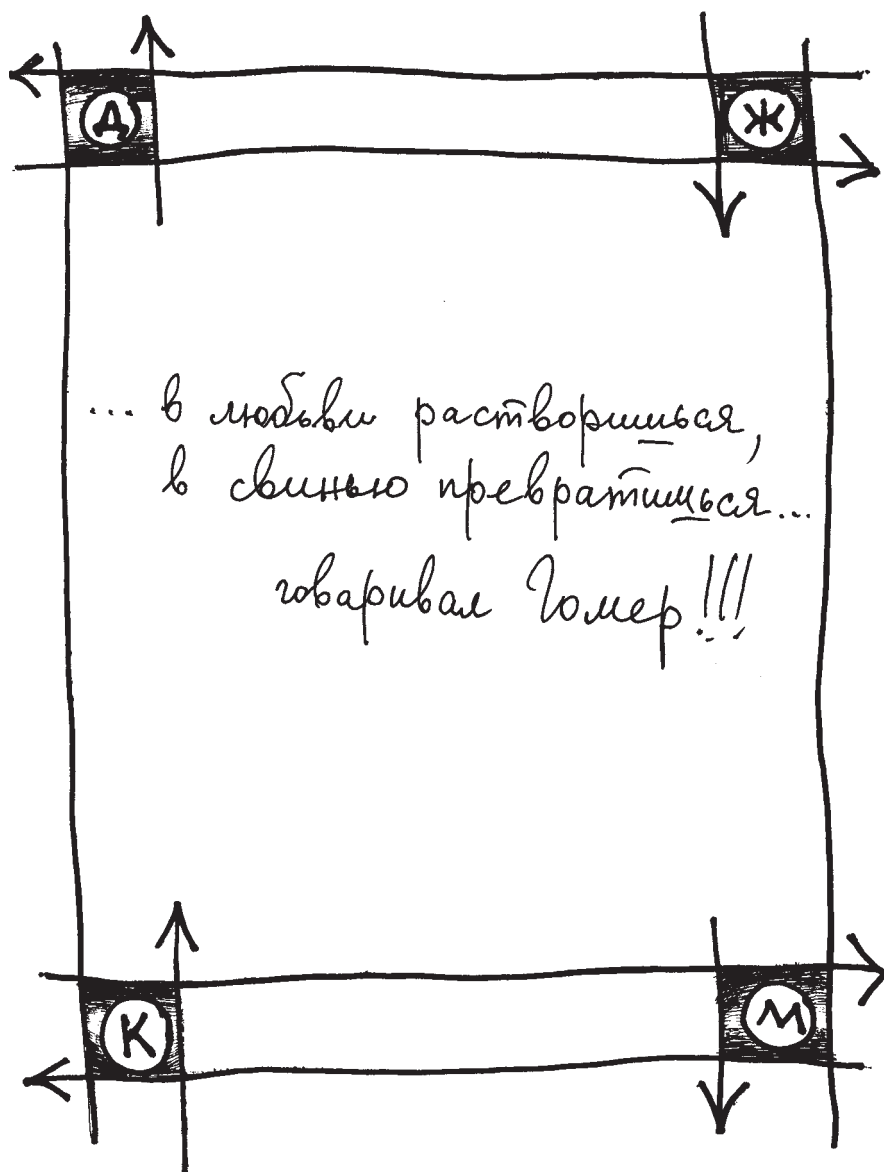
Из лекций Гегеля один сокурсник Маркса сделал вывод, что основной вопрос философии не первичность материи или сознания, а взаимоисключающее единство жизни и смерти.

Жизнь — естественное следствие любви (так же, впрочем, как и смерть). Но что есть любовь? Это знание приобретается только индивидуальным опытом. На чужих ошибках не научиться. У каждого свои шишки, шрамы и травмы, не совместимые с жизнью. Поэтому любовь и смерть — вечные темы искусства. При этом любовь — чувство, которое легче всего опошлить. «Мужчины любят глазами, женщины — ушами» — одна из таких пошлостей. Почему не кожей, печенью или надпочечниками? Телевизор, радио и газеты настойчиво убеждают нас, что у мужчин и женщин любовь сосредоточена во вполне конкретных органах. Анатомия становится предметом личной гордости. Человек из венца творения низводится до носителя половых признаков. Один литературный недоумок сказал как-то: «Какое роскошное тело — хоть сейчас в анатомический театр». И расплатился за такое отношение к любви жизнью.

В искусстве каждый художник воплощает свой опыт. И, простите за физиологизм, каждый пишет теми выделениями, на какие способен в любви. Кто — потом и спермой, кто — слезами, а кто — кровью. Последних мало.

«Турпоход» С. Гаврилова написан кровью. Густой венозной кровью медленно уходящей жизни. Где все — впервые, и все — в последний раз. Ошибки не прощаются. Как у классика: «И горько жалуясь, и горько слезы лью, но строк печальных не смешаю».

С. Галушкин.

Введение

Актуальность темы

Никогда не бывал в турпоходах. Говорят, это очень романтично. И еще говорят, что лучшие качества проявляются в турпоходах. Пропадает эгоизм. Начинаешь любить других больше, чем самого себя.

Может быть, может быть...

Есть другое мнение. В турпоходе любишь других, чтобы сублимировать любовь к себе. Все равно, кроме тебя самого, тебя, любимого, сильней никто не полюбит. В турпоходе степень любви к ближнему — показатель собственного эгоцентризма. Ты любишь свою любовь к товарищам и начинаешь любить себя за это.

Создаешь модельные ситуации, кого-то спасаешь, о ком-то заботишься и... начинаешь торчать на этом. Это как таблетки. Подсаживаешься на человеколюбие.

«Если друг оказался вдруг, и не друг, и не враг, а так...» — вранье все это. Глубоко в подкорке турпоход — это изощренный эгоцентризм. Это эгоманьячество. Любить себя за свою любовь к другим? Ханжество это? Религиозная потребность? Примитивное подвижничество?

Возможно, возможно...

Самое главное в этой любви не раствориться. Когда в ней растворяешься, исчезает здоровая отстраненность от реальности. Превращаешься в зомбируемого индивида. У Гомера, соратники Одиссея, растворенные в любви становятся свиньями.

Хорошая метафора. Хорошая. Совсем хорошая.

Глубоко спрятанный эгоизм в турпоходе — последний бастион, где сохраняется твое душевное здоровье, твое Я, твоя неповторимость. Это круче, чем театр, где через вранье постигается действительность. Это особый мир, где через ложь познаешь самого себя.

Итак, в турпоход!

Объект исследования

«Туристическая деятельность способствует формированию активной жизненной позиции молодого человека. Туризм — исключительно ценное средство физического воспитания и активного отдыха человека на природе.

В туристских походах учащиеся закаляют свой организм, укрепляют здоровье, развивают выносливость и другие физические качества... Особые условия туристической деятельности способствуют воспитанию нравственных качеств личности: взаимоподдержки, взаимовыручки, организованности и дисциплины, принципиальности, чуткости и внимания к товарищам, смелости, стойкости и мужества, чувства долга и ответственности, высоких организаторских качеств...»

**Методична розробка викладача фізичного виховання
МДВМУ Бакланова І. А., Миколаїв, 2004.**

Вообще-то методична розробка нашего физкультурника называлась вначале совсем по-другому. Нормально так называлась. В духе времени: «Інтимні стосунки студентів Миколаївського музичного училища в турпоході».

Я присутствовал при этом театральном действе, когда он осторожно, как-то боком вошел в подсобку к Светке.

- Вот.
- Что вот?
- Принес.
- Что принес?
- Вот.

Разговор немного с глухим.

Светка — это наша зав. отделом общеобразовательных дисциплин в музучилище. Полтора метра на коньках. Сгусток энергии. Берет листы бумаги с компьютерным набором и отхлебывает кофе.

- Что это?
- Методична розробка.
- Давай, — щурится близорукими глазами. — Боже правый! Ну ты даешь! — бросает рукопись на стол. Листы разлетаются по подсобке, как девальвированные акции на бирже.
- Никому не показывай.
- Почему?

— Потому, — она тычет указательным пальцем себя в лоб. — Вот, Сергей Иванович, посмотри, — протягивает титульный лист.

Мне нравится наш физкультурник. Честный парень, без двойного дна. Нормальный такой. Что-то в последнее время вообще стал любить предсказуемых людей. Они очень хороши в пространстве. Не делают резких движений, едят, пьют, отправляют физиологические потребности, знают, что с ними произойдет завтра. С семьей у них, опять же, все в порядке...

- Как тебе эта порнуха на ночь? — щурится на меня.
 - Не знаю. Не бывал в турпоходе...
 - Издеваешься, а мне к директору с этим идти завтра.
- Подбираю с пола листы.
- Надо их чем-то скрепить.
 - Издеваешься...

Сверху оказывается лист с оглавлением. Хм... Совсем интересно. «Привалы и ночлеги в турпоходе», «Питание в турпоходе».

— Может, немного изменить название, — мне жалко физкультурника, он стоит совсем потерянный, руки беспомощно опущены.

— Ага, я, кажется, придумала, — она мстительно разглядывает Игоря Абрамовича. — «Способы реализации юридической ответственности за сексуальные домогательства к студентам в турпоходе».

Игорь Абрамович совсем поник. Мне его жалко.

- Может быть, заменить «интимные стосунки» на «романтичные».
- Ага, на постмодернистские.

Светка пытается засунуть рукопись в файл. Совсем слепая, ничего у нее не получается. Пытаюсь ей помочь. Листы опять разлетаются по полу.

— Ты прочти. Может быть, все нормально. Название поменять, и все...

- Голову ему менять надо.

Физкультурник молчит совсем трагично.

- Ладно. Давай почитаю. Поменяю что-нибудь.
- Завтра?
- Завтра не могу. К субботе, может быть...

Игорь Абрамович пятится к двери. Светка отвернулась к окну и на него не смотрит.

- Ну, я пойду...
- Молчание. Занавес.

Так я стал обладателем рукописи об интимных стосунках в турпоходе.

Предмет исследования-1

«Путешествия — это многодневные походы, проводимые обычно в каникулярное время. Походы и путешествия могут быть ближними и дальними, т. е. их маршруты могут проходить по территории родного края или выходить за его пределы, проходить по другим областям и регионам страны...»

**Методична розробка викладача фізичного виховання
МДВМУ Бакланова І. А., Миколайів, 2004.**

Зря я радовался. Рукопись оказалась полным дерьмом, перекачанным из интернета.

Я чувствую себя обманутым. Совсем обманутым.

Нельзя интимные стосунки перекачивать из интернета. То, что является достоянием всех, утрачивает налет интимности, романтизма, уникальности...

— А тебе бы все смотреть в замочную скважину, — перебивает меня Светка.

Суббота. Сентябрьский вечер. Мы сидим в кафешке рядом с нашим музучилищем и пьем пиво. Вернее, Светка пьет, а я оглядываюсь на пожелтевшие листья платанов на Советской.

— Все мы смотрим в замочную скважину. Через скважину видны только детали. Нет самого явления. Через детали начинаешь достраивать событие. Работа воображения, творчество и самое главное...

— Да ты, парень, вуайерист, — перебивает меня Светка и отворачивается от моей сигареты. Она не курит, но замечаний мне никогда не делает.

— При чем тут вуайеризм? В турпоходе все на виду. Ничего ни от кого не спрячешь, — меня злит ее покровительственный тон. Она на пять лет моложе, но относится ко мне по-матерински и, похоже, я с этим смирился.

— Что ты можешь от меня скрыть и что ты нового можешь мне показать из того, чего я не видел в трех браках? Свои трусы, бюстгалтеры...

— Завелся, завелся...

— А тебе этого и надо.

— Прекрати...

— Соскучилась по семейным сценам?

— Прекрати, я сказала!

Она делает большой глоток из бутылки и пристально разглядывает меня.

У нее два взрослых сына, муж — профессиональный психиатр, поэтому со всеми особями мужского пола она ведет себя уверенно. Меня, кстати, это совершенно не раздражает, но ощущение такое, что тебе в любое время могут дать подзатыльник.

— Турпоход — это целая жизнь. Привалы и ночлеги, обеспечение питания, безопасность в турпоходе...

— Это ты про секс? — опять пристально пялится на меня близорукими глазами.

Из окон музучилища доносится Гленн Миллер. Репетиция джазового оркестра.

— Романтические стосунки — это не всегда секс, это нельзя потрогать...

— Ну-ка, ну-ка, поподробней об этом...

— Запросто! — меня несет в канале открытого гнева, — когда тебя в первый раз трахнули, тебе шептали на ухо про безопасный секс?

Зря. Зря. Совсем зря сказал.

У нее скучнеет лицо. Лениво допивает свою бутылку. Спокойно встает, бросает деньги на стол.

Зря. Зря сказал.

Берет сумочку, наклоняется и... взъерошивает мне волосы. Уходит.

Зря сказал. Теперь не с кем посоветоваться.

Объект исследования-2

«Интимные отношения — близкие, короткие, тесные, задушевные, сердечные, искренние; тайные, скрытые, негласные, особняковые...»

Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка», М., 1989, т. 2, с. 47.

Она стоит возле моего зеркала и прихорашивается. Постмодерн. Идеальная форма, отсутствие содержания.

Мне это нравится. Наблюдать за ней всегда здорово. Ни к чему не обязывает. Подольше бы она так постояла. Плохо, что я не художник. Плохо.

Она красит губы. Хлопает маленькими ладошками себя по щекам. Не хочется, чтобы она уходила. Дома муж и дочка. Чувство долга превалирует над романтическими стосунками.

— Ну как я?

Приходится вставать с дивана и тащиться к зеркалу.

На меня смотрит ободряющее лицо тридцатилетней женщины. Красивое лицо. Совсем красивое и... печаль. Моя печаль. Мое лицо. В мешках гривен по сто.

— Любимая, мы тянемся к стеклу. Ты к зеркалу, а я на дно стакана...

Она опять хлопает себя по щекам.

— Кстати, насчет стакана, — подкрашивает губы, — поосторожней, ты на молекулы распадаешься.

— Я хочу внести в наше общение романтические стосунки, иначе все это превращается в спорт...

— Романтизм на стакане? — она целует меня в нос. Поправляет коротенькую юбку. Мне опять ее хочется. Совсем хочется.

— Может, останешься? — вопрос в пустоту. Она меня не слышит.

— Спортсмен ты сносный, романтик — никудышный, — она тыкается мне в ухо холодным носом. — Слезай со стакана — форму потеряешь, спортсмен-романтик.

Уходит. Нос у нее холодный и влажный, как у здоровой суки.

Николаевские барышни добрые. Очень добрые, но в Херсоне добрее. В Николаеве чувствуется жесткость. Жесткость. Большая жесткость. В Питере они тоже жесткие, но без провинциального жлобства. А в Москве...

— Все поставлено на деньги, — Светка опять дует пиво. Мы с ней вчера помирились, и теперь она по привычке меня достает.

— В Москве сплошная быдлятина, романтизм поставлен на поток...

Мы сидим под зонтиками. Угол Советской и Плехановской. Телевизор. Тетки задницы заголили. Бабье лето.

— Чего? Там тоже есть добрые девушки.

— Добрые давалки?

— Дура, при чем здесь секс...

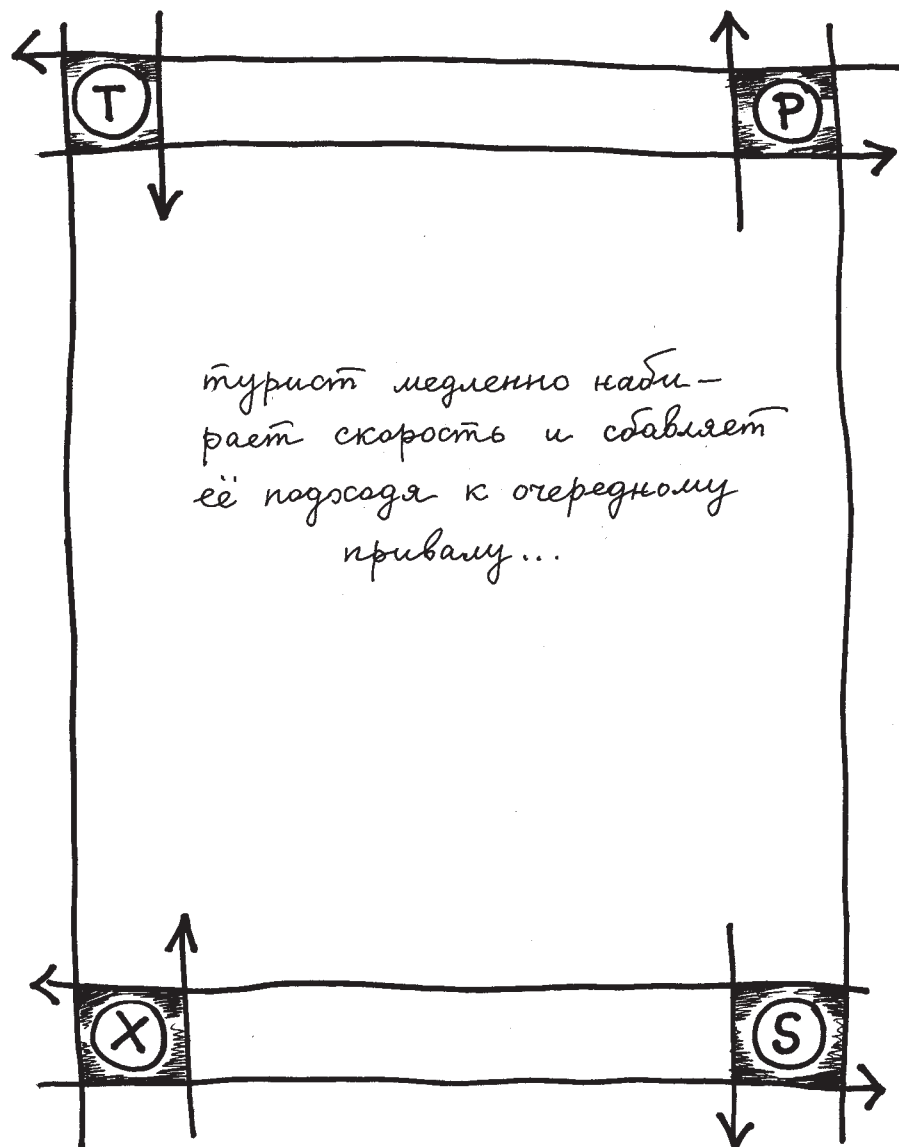
Светка отвлеклась. Рассматривает симпатичную парочку. Парень — пэтэушник с барсеткой, у барышни цилиндрическая форма. Тело длиннее, чем ноги. Уродство, но лицо хорошее.

— Ты эстет. Твой межбрачный период затянется, — она допивает свою бутылку.

Не люблю цилиндр. Кому нужны короткие ноги и длинное тело?

Никому. Совсем никому.

Мне скучно со Светкой. Она классная тетка, но сегодня мне совсем с ней скучно.

- Я пойду?
- Проститутки по пятьдесят гривен. Разоришься...
- Не хочу с ней спорить. Она на своей волне.
- Мне надо...
- Вали и не оглядывайся.

«Волга» — древняя кафешка. Институт культуры напротив. Солнце в глаза, желтизна платанов. Совсем древняя кафешка. Совсем.

Барышни курят. Короткие кожаные юбки. Боюсь смотреть в эту сторону. Пробуждаются совсем неромантические инстинкты.

В «кульке» готовят стриптизерш. Хорошо готовят. Тетки забывают выходить из образа и перемещаются между столиками, как по сцене. Старый приятель в штанах оживает.

Друзья-археологи называют эту кафешку в меру романтической настроенности. Одни — «Валгалла», другие — «Влагалла», но кафешка хорошая. Бутерброды с селедкой, спиртное недорогое.

Романтические стосунки без секса? Хм. Это речь американского проповедника в провинциальной телепрограмме. Колыхание воздуха. Одна фонетика. Нужны знаки препинания, нужна морфология... Надо остановиться. Надо. Совсем надо.

Я уже трезв, но выгляжу плохо. Неважно выгляжу.

Полные карманы денег, неопределенные планы на вечер. Не могу не выпить. «Валгалла» — простая кафешка, совсем простая.

Если романтизм не пронизывает интимные отношения, то это спорт. Интимные отношения без романтизма — это отношения мастера с начальником цеха. Это заповедь без Евангелия, это...

Романтизм должен заполнять все отношения. Официоз, интим, творчество, науку. Без романтизма начинается агрессия. Интим без романтизма — инстинкты, прямая кишка...

Удар по плечу.

— Парень, ты в порядке? — это доктор. Фу-у, слава богу, доктор. Доктор мне нужен.

Оказывается, я громко разговариваю с умным человеком. Очень громко. Нельзя так громко разговаривать с самим собой.

— Чего ты орешь на всю улицу? Пошли.

Берет под руку, ведет через трамвайную линию в кафешку напротив. Я не могу пить, но мне страшно обидеть доктора. Совсем страшно.

Доктор — классный парень. Хирург высшей категории. Энциклопедист. О чем ни спросишь — все читал. И, действительно, читал...

Доктор, доктор. Эх, доктор. Не надо мне пить. Совсем не надо.

— Интим может быть без романтизма. Когда наступает форс-мажорная ситуация и народ ласты в операционной заворачивает, тогда начинается интим без романтизма.

От последней сотки я трезвею. Доктор вклинился в мой внутренний монолог и задел за живое.

— Это не интимные стосунки. В операционной ты священник... Надо кому-то сказать последнее слово — вот они тебе и говорят. Исповедь, религия...

— Не-е, парень, здесь другое...

— Торчат от наркоза?

— Нет, они просто тебе доверяют. — Он хлопает по кожаной заднице знакомую барышню. Улыбка в ответ. Воздушный поцелуй.

— В операционной абсолютный интим без романтики. Любое явление, доведенное до абсолюта, становится противоположностью.

Нет, не надо мне больше пить. Несу марксистско-ленинскую ересь. Доктор лениво меня разглядывает. Совсем лениво, но не перебивает.

— Где романтизм в операционной? В стосунках с анестезиологом? Со старшей медсестрой?

Доктор меня опять не перебивает. Надо, чтобы перебил, но он не перебивает. Совсем не перебивает.

— Ты черпаешь романтизм со стороны. Поэтому стосунки с пациентами кажутся тебе интимными. Ты набираешь романтизм по очкам, иначе все диалоги с твоими больными у тебя превратились бы в нытье и корысть. Ты этого просто не осознаешь.

Он опять меня не перебивает. Разглядывает опытными глазами. Боже, сказал бы что-нибудь. Молчит. Зря молчит. У меня открылось второе дыхание

— У гинеколога в кресле тоже романтические стосунки? Если бы были романтические, он бы работал на износ. У него рабочие отношения с клиентами потому, что нет романтики...

Опять молчит. Мне совсем плохо. Мне уже не надо пить.

— У врачей не может быть романтических стосунков. Во-первых, вы с пациентом заинтересованы друг в друге, во-вторых, у вас нет главного — романтического целеполагания...

Он очнулся. Слава богу. Хочет что-то сказать и... опять молчит. Напрасно. Меня несет в даль необъятную.

— Медицина и романтизм — две вещи несовместные! Медицина убивает романтизм. То, что тебе кажется романтическими стосунками — это тупое доверие к твоей харизме, репутации...

— Ты чего орешь?

Он кладет руку мне на плечо. Я, действительно, разошелся. На нас оглядывается вся кафешка. Доктор улыбается.

— Успокойся. Ты просто не понял. Именно в медицине сплошной романтизм. Только он немного запаздывает. Сначала тяжелая работа, затем осознание ее результатов, затем мифологизация действительности, а уже потом, как итог, романтические отношения. Все разорвано во времени. Это тебе не мыльная опера, где подается комплексный обед. Романтика соприкасается с доверительностью в самом финале. Все счастливы. Вот так.

Доктор софист. Он встал на мою сторону и выиграл спор. Он умница и дипломат. Я не могу пить. Совсем не могу.

— Подожди, — набирает на мобильнике номер, — сейчас мотор ответит.

О-ох. Спасибо, доктор. Ты прав. Если есть мифологизация действительности, тогда романтизм появляется из ничего.

Утро. Совсем рано. Мобильник выдает Прокофьева. Прелюдия к «Ромео и Джульетте».

Тяжелый сон выводит на авансцену Тибальда. *Он прикуривает. За спиной большой рюкзак. Выцветшая панاما на голове, потная майка. Вереница людей в шортах и купальниках, цепляясь за кусты, поднимается вверх по тропинке.*

Меркуцио. Котелок, привязанный к рюкзаку, бьет по голой ляжке. Пожилые мамки и няньки обливаются потом в чепцах. На самой вершине — Ромео. Машет рукой. Турпоход. Все нормально. Где Джульетта?

Джульетты нет.

Нет романтизма.

Внизу финский портовый кран Черноморского завода и гладь реки. Нет романтизма. Совсем нет.

Прелюдия движется к финалу. Надо просыпаться. В трубке родной голос. Это Пашка.

Пашка — классный художник. Мне он нравится потому, что без понтов. Всю жизнь тупо делает свою работу, ни от кого не просит помощи. Самодостаточный такой. Стильный художник. Я ему верю и заказываю у него часто обложки для разных книжек. Пашка ленив, но талантлив. Совсем талантлив.

Говорит долго. У меня перед глазами по-прежнему Тибальд с рюкзаком.

— Повтори все сначала, я не проснулся.

Пашка чертыхается, затем извиняется. Много вводных слов и всяких междометий. Я готов опять заснуть.

Деловой тон возвращает меня к действительности.

— В общем, он приехал...

— Кто?

— Дэвид.

— Кто?

— Из Лос-Анджелеса.

— Кто это?

— Ты ж бил себя в грудь по поводу своей гениальной памяти, — нервничает Пашка

Все. Все. Я врубился, вернее, проснулся. Я вспомнил. Он мне давно тошнил по поводу своего проекта.

— Может, обойдется? Я никуда не хочу выходить из дома...

— Нет, ему в Одессе сказали, что Николаев быдлачый город. Расскажи ему что-нибудь. Он неуправляем и стал капризничать...

— Тетки не нравятся?

— При чем тут тетки? Расскажи что-нибудь. Обещал...

Кладу трубку. В голове открытая рана. Надо подниматься.

Пашка в течение трех лет продавал этому Дэвиду свои картинки по интернету. То ли по триста, то ли по пятьсот долларов. Не помню. Открытая рана в голове. Похмеляться нельзя. Совсем нельзя. Надо под душ.

Теплая струя воды через десять минут сообщает: экскурсия по городу и окрестностям, переводчик, сауна, тетки и еще чего-то там.

Ну, экскурсия? Ладно. Переводчик? Ладно. Все остальное пусть делает сам. В конце концов, это его бизнес.

Мне себя жалко. Вспоминаются пьяные откровения знакомого фольклориста: все, кто был окружен родительской любовью в детстве, переживают трудную самостоятельную зрелость. Меня родители любили. Совсем любили.

Вытираюсь. Надо звонить в «Славянку». Там переводчиков как собак нерезаных. Знакомый доцент обещал подогнать классных теток.

Мокрыми руками листаю блокнот. Нашел. Слава богу. Достижение. Повезло Пашке. Совсем повезло.

Договариваюсь. В час дня в «Крымских винах», на углу Инженерной и проспекта Ленина.

Я сильно болен. Зачем мне такая зрелость?

Дэвид оказался симпатичным калифорнийским евреем. Веселым таким оказался. Свой английский я утратил лет пятнадцать назад, хотя когда-то в университетскую юность думал на нем. Совсем утратил, но подкорка работает.

Понимаю быструю речь. Он бизнесмен. Занимается военно-космическими технологиями.

— А-а, звездные войны, — вставляю с дебильной улыбкой свои пять копеек, — пых-пых, и завоевываем вселенную, уничтожаем зло, судим военных преступников. Вы, американцы, любите людей посудить...

Мой английский, наверное, совсем плох. Дэвид на меня пристально пялится. В голове по-прежнему открытая рана. Надо терпеть. Пашка пинает меня под столом ногой.

Мы сидим в «Крымских винах» и ждем переводчика. Опаздывает. Пьем вторую чашку кофе. Мне от него совсем плохо. Совсем.

Переводчика нет. Американец мне приторно улыбается. Зря. Он теряет свою симпатичность. Нельзя казенно улыбаться в кругу своих. С трудом подбираю забытые слова.

— Дэвид! Любишь правосудие? Любишь, Дэвид? Адвокаты, прокуроры, присяжные, констебли...

Пашка опять пинает ногой под столом. Совсем больно пинает. Меня лениво несет по течению. Я без тормозов.

— Гражданское общество, гамбургеры, романтизм с барышнями, когда невинный комплимент расценивается как сексуальное домогательство, когда с теткой нельзя зайти вдвоем в лифт, потому что она на этом обязательно заработает...

Э-эх, не хватает моего английского. У Пашки круглые глаза. Он не ожидал от меня стихийной агрессии. Глаза совсем круглые. Все художники как дети. Без второго дна. Кто не цельный парень — тот не художник. Глаза совсем круглые. Совсем.

Пришла. Слава богу, пришла. Переводчица. У-ух. Мой размер, мой рост, мой возраст. Все мое.

Футболка. Глубокое декольте. Болтает с американцем. Минут пять плююсь в разрез ее бюста. Шикарная грудь. Породистая барышня. Совсем неприлично плююсь.

Выясняется, что Дэвид свободно болтает на шести языках, но на великом и могучем не понимает ни бельмеса. М-да, самого главного языка не знает. Большой прокол в образовании.

Переводчицу зовут Галкой. Работает в каком-то международном брачном агентстве. Оканчивает «Славянку».

— Галка, передай любезному гостю, что у него плохое образование, ущербное...

Мне плохо. У Пашки шевелятся на скулах желваки. Дэвид опять приторно улыбается и что-то говорит.

— Он спрашивает, — оборачивается ко мне Галка, — откуда начнется экскурсия.

— По маршруту первого еврейского погрома.

Мне плохо, я не могу совладать с собой.

— Черт с тобой, — не выдерживает Пашка и идет к барной стойке. Возвращается с фужером коньяка. — На, подавись.

Вкус ванили. Коньяк паленый. Жаль. Совсем жаль. Действует как анальгин. Меня чуть-чуть отпускает. Уже легче.

— Это шутка или ему переводить? — возвращает меня в реальность переводчица.

— Не надо. Скажи ему, что сначала поедем в реальное училище, где учился Троцкий.

Пашка опять мрачнеет. Надо съезжать с еврейской темы. Двигаю к нему пустой фужер.

— Пятьдесят водки, и все наладится...

Он недоверчиво качает головой.

— Давай, давай, наладится...

Пашка вздыхает и медленно движется к стойке. Совсем медленно.

— Дэвид, а с чего у тебя такое пренебрежительное отношение к Николаеву?

Галка переводит.

Боже, как он медленно заказывает водку.

— Он говорит, что Николаев, по сравнению с Одессой, глухая провинция, что здесь скучно и смотреть нечего, — пожимает плечами Галка.

— Дэвид, ты приехал сюда за картинами николаевских художников?

Переводит.

— Yes.

Пашка, наконец, принес водку. Не чувствую ее, но меня окончательно отпускает. Я ожил.

— Спроси этого ценителя, почему он в Одессе не покупает картинок у местных художников.

Галка о чем-то оживленно жестикулирует с американцем. Водка меня окончательно вернула к жизни. Рассматриваю американца. Полтора метра. Живые глаза, нос с горбинкой, жесткие еврейские кудри...

— Говорит, что ему интересны провинциальные украинские художники, — оборачивается ко мне Галка.

— Тогда скажи ему, чтоб опять возвращался в Одессу. Там натуральная провинция... Глухомань. А здесь столица! Настоящая культурная столица. Только дебильные американские евреи не слыхали о художественной столице Украины. Так и передай этому специалисту...

Пашка опять пинает ногой под столом, но не больно. Похоже, заинтересовался моим бредом.

— Скажи ему, что в мировой искусствоведческой критике существует специальный термин — «Николаевский феномен», не одесский, а николаевский. Именно в этом зашоренном городе, закрытом насквозь и для всех, в этом гребаном военном гарнизоне, где цензура и военная, и гражданская при царе была вдвое суровей, а при большевиках вообще закрыли город и гэбуха не дремала, именно здесь, как реакция на это давление, появились самые талантливые музыканты, поэты, художники. Может, количественно их где-то и больше, но по качеству численность известных художников на душу населения Николаев никому не переплюнуть. Это по третьему закону Ньютона: чем сильнее давишь на тело, тем тело сильнее давит на тебя. Взрыв художественного творчества в Николаеве — ответ на тоталитарное давление государства. Не было бы давления, не было бы «Николаевского феномена». Порт-о-франковская Одесса всегда питалась гастролерами, потому что там на первом месте деньги, 7-й километр, а искусство на заднем плане. Одесса, как художественная мастерская, — глухая провинция, насквозь глухая, так и передай этому эстету.

Галка тараторит пулеметными очередями, американец поднимает брови, Пашка светлеет.

— Кажется, я заработал еще сотку, — пододвигаю к нему фужер.

— Может, не надо, тебе еще работать...

— Давай, давай, наладится.

Пашка заказал такси. Бизнес-класс. Этот навороченный «Вольво» будет возить нас целый день. Нормально. Есть кондишен и... бар. Мне начинает нравиться этот мир. Совсем нравиться.

Мещанская канава. Самая низкая точка в городе. Древнее русло Ингула. Рассказываю Дэвиду про подземный город. Меня несет. Таинственные цивилизации сменяют друг друга, строят циклопические подземные галереи, ведут друг с другом войны, осваивают новые подземные горизонты. Индиана Джонс отдыхает.

Американец открыл рот и таращится на меня. Галка тараторит и тоже уставилась мне в рот. Э-эх, дети Голливуда, кровь и плоть массовой культуры.

— Он спрашивает, где можно войти в подземный город, — с придыханием переводит Галка.

— Где угодно, но только на первый горизонт.

Поворачиваем налево к музучилищу. Открываю подсобку военрука. Это громадный подвал с арочной арфостатной кладкой из известняка. Дэвид пытается выковырять раствор между камнями. М-да, совсем недоверчивый технарь.

Нет раствора. Камни подогнаны очень плотно, и связующего материала не видно. В конце подвала — стена из современного кирпича.

— Вот, Дэвид, эта стена закрывает вход на центральную галерею подземного города...

— А зачем?

— Местные власти не разрешают без лицензии ходить по подземным улицам.

Дэвид мне верит, верит и Галка, вирус доверия проник и в Пашку. Он, похоже, тоже верит. Мне делается неуютно. Я явно переборщил. Надо съезжать с голливудской темы. Пора возвращаться в реальность.

Петляем по центру.

— What is it?

— Это дом николаевского градоначальника.

— Он спрашивает, кто такой градоначальник, — бесцветным голосом комментирует Галка. Она уже устала.

Американец тычет пальцем в дома и требует от меня правды.

— Шериф.

Опять «What is it?». Тычет пальцем на какой-то дом.

Угол Московской и Плехановской. Напротив знаменитая пивнуха и бывший магазин «Море».

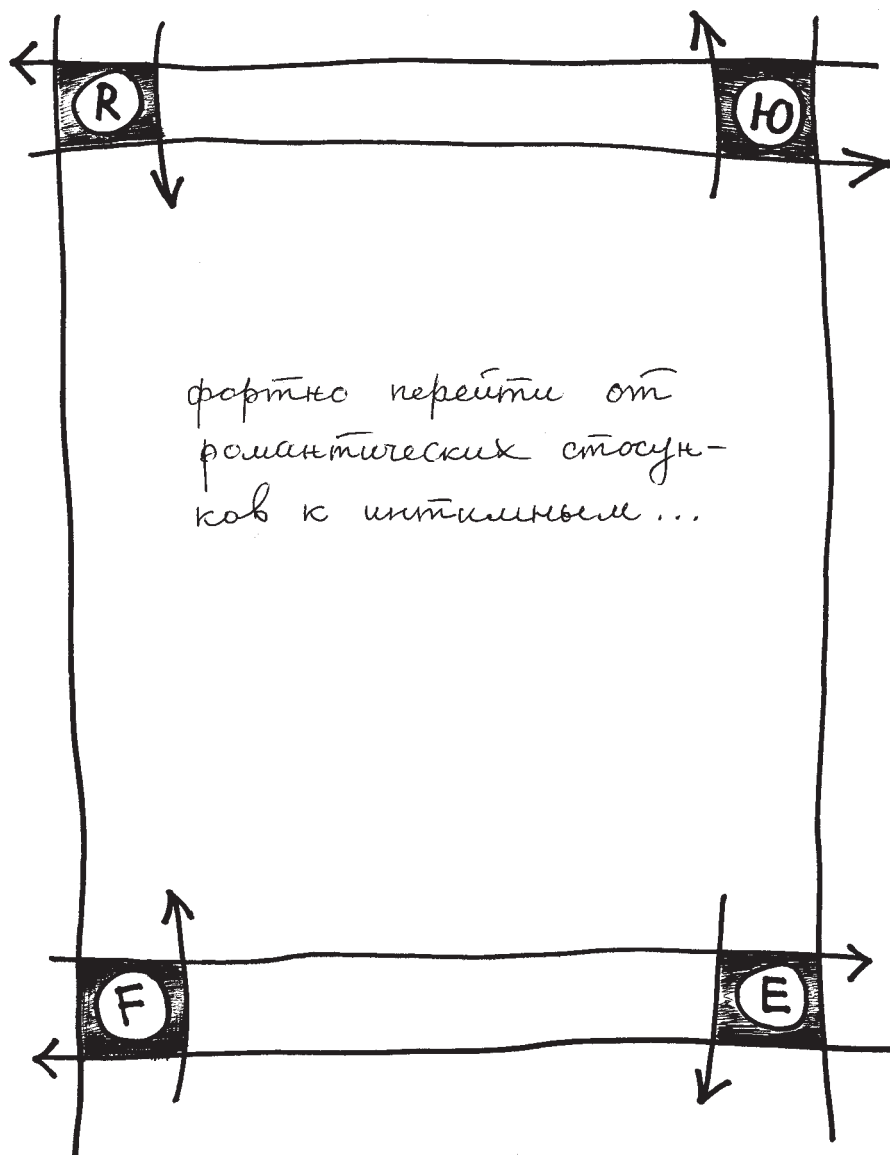
— Гостиница офицеров «Люфтваффе». Здесь, Дэвид, был бордель во время войны.

На заднем сиденье продолжительный оживленный диалог.

— Он спрашивает, где сегодня бордель в Николаеве, — криво усмехается Галка.

— Передай этому похотливому кобелю, что в Николаеве все девушки честные. Вступают в романтические стосунки без денег. Нет борделя в Николаеве.

— Он не верит, — улыбается Галка.
 — Зря. Скажи ему, если будет плохо себя вести, то никаких теток сегодня вечером не получит, ни за какие деньги. За николаевскими барышнями надо старомодно ухаживать...

— Это как? — не выдерживает переводчица.
 — Вступать в романтические стосунки, организовывать турпоход. Ты ему переводи, а не беседуй со мной.

Галка, похоже, обиделась и что-то говорит американцу.

— Он тоже спрашивает, это как?

— Что как?

— Как организовать турпоход?

— А-а. Все просто. Это значит, лет 150 дарить ей цветы каждый день, беседовать о ее небесной красоте, поступки какие-то совершать... Ну, наври ему что-нибудь про романтизм. Эти уроды впадают в романтический транс, когда сдают налоговую декларацию и подсчитывают доходы.

Галка долго переводит. Очень оживленно, помогает себе жестами. Стоп.

Останавливаемся на углу Советской и Свердлова. Американец вылезает и движется к цветочному рынку. Покупает букет красных гвоздик. Протягивает Галке, что-то говорит. Она по-настоящему смущена. Мужские цветы для избалованной николаевской барышни... М-да, джентльмен «вышуканный», пробило парня.

— Ты мне должна сотку коньяка, — пытаюсь вернуть ее на землю, — за романтические стосунки с клиентом...

— Твою мать! Все испортил. Мне цветы дарили последний раз два года назад...

Галка уставилась в окно и не отвечает на вопросы Дэвида.

— Ты просто никогда не была в турпоходе...

— Что у тебя под турпоходом понимается?

— Хм. Наверное, романтический период в жизни.

Американец нервничает. О нем все забыли. Топает ножкой.

— Скажи ему, что сейчас поедem к людоедам.

— Серега, это перебор, — вклинивается Пашка, — какие людоеды?

— Нормальные. Со своей диетой, структурой питания и антицеллюлитной программой. Давай направо.

Сворачиваем на Адмиральскую к Дому офицеров флота.

Дикий сад. Мой приятель — скифолог и уже лет десять копает здесь поселение эпохи поздней бронзы. Нашел кучу хозяйственных ям, храмовый комплекс, остатки древнего вала, фундаменты помещений. Ну, конечно, приплел сюда всякой уникальной ереси для полноты картины. С творческими людьми такое бывает.

Ходим по раскопу. Смотрим на остатки керамики, обожженные кости. Время было суровое. В голодные годы питались стариками и детьми. Человеческие кости, раздробленные и обожженные, встречаются тут в разных слоях. Детей выращивали, как гусей в клетках, чтобы приготовить их после неудачной охоты.

Население — уже не звери, но еще не люди. Люди перестали смотреть друг на друга как на пищу только в XIX веке. Просвещенная Европа — самая последняя прекратила есть людей, в Китае отказались от человеческого мяса намного раньше, в Индии табуирование пищи из себе подобных существовало с незапамятных времен, новозеландские каннибалы — дети по сравнению с европейцами, там больше ритуализма и театра, чем присваивающей экономики.

— Он не верит, — перебивает меня Галка и кивает в сторону американца.

— Опять не верит, — мне надоел этот калифорнийский еврей. Я понимаю, что для него это спорт, зрелище. Он хочет меня подразнить и дразнит очень лениво. Ладно, дружище, ты своего добился, ты меня подразнил.

— Спроси его, где он оставил свою крайнюю плоть? В прямой кишке какого раввина она пребывала? Спроси, спроси. Не стесняйся. Они привыкли в своих судах задавать свидетелям скабрёзные вопросы...

— Все! Хватит ссориться, — закуривает Пашка. — Едем в Ольвию. Там людей точно не ели.

Дэвид улыбается и разводит руками. Галка хлопчет возле бара в машине. Фужер коньяка делает меня добрее.

Ладно. Протоколы сионских мудрецов сегодня пересказывать не будем.

Поехали в Ольвию.

Староочаковская дорога. Слева четвертые сады, направо Радсад. Виноградники и баштаны. Уборка в разгаре. Фуры с арбузами проносятся мимо нас.

Останавливаемся возле посадки. Дэвид запросился пописать.

— Серега, — оборачивается Пашка и пальцем выщелкивает спичку в окно, — а что там за патология с турпоходом?

Коротко пересказываю ситуацию с «методичной розробкой» нашего физкультурника. Все смеются. Дэвид вернулся и недоверчиво нас разглядывает.

— Галка, расскажи ему, а то он думает, что мы смеемся над ним. Совсем недоверчивый стал...

Галка морщит лоб и начинает говорить что-то про expeditions. Американец трагично кивает головой и вставляет реплики.

— Он говорит, что у них в Америке очень часты судебные процессы по поводу сексуальных домогательств к несовершеннолетним. Это общая беда, и с этим надо бороться...

О-ох, прав Задорнов, все они уроды, все без исключения.

— Пашка, давай ему сельскую церковь покажем. Для него это экзотика. Пусть пофотографирует. Дома покажет украинский храм. Ольвия уже оскомину набила, тошнит от нее...

— Ты думаешь?

— Ну да. Свезем его в Богдановку, расскажем ему сказки про старые турпоходы.

— Какие турпоходы? — оживляется Галка.

— Классические турпоходы, с романтическими стосунками. Ему понравится. Поехали, Пашка, ну..

— Ладно, но сначала привал в турпоходе. Война войной — обед по распорядку. Скажи ему, Галка.

Дэвид кивает головой, оказывается, он тоже не успел позавтракать.

Сворачиваем с трассы влево на проселочную дорогу. Паркуем «Вольво» под большим орехом в посадке.

— Он спрашивает, куда ведет эта дорога, — оборачивается ко мне Галка.

— В Старую Богдановку, в имение адмирала...

— Какого адмирала? — Галка раскладывает на капоте бутерброды и сыр. Пашка режет помидоры. У меня пересохло в горле, и я вспоминаю про бар.

— Аркаса.

— Композитора?

— Нет, папаши его. Композитор имущество разбазаривал, а папаша был созидателем. Ему Богдановка досталась за женой, урожденной Богданович. Она была хохлухой насквозь. Дочкой казацкого полковника, который вступил в должность Фалеева после его смерти.

— Интересно, — Галка облизывает пальцы и вытирает салфеткой нож, — без приданого он бы ее в турпоход взял?

— Взял бы. Она была красива, да и романтические стосунки были. Детей шесть штук родили. Самый непутевый был последним...

— Это кто?

— Кто, кто... Композитор великий, историк великий, фольклорист великий... Куда ни ткни — везде великий.

— Что-то ты не ласков к почетному гражданину...

— Не люблю понтов. Совсем не люблю. Не умеешь, не берись!

— Ты про что?

Галка раскладывает салфетки и капроновые стаканчики. Ветер все сдувает на землю.

— Папаша, командир Черноморского флота и портов, несмотря на свою занятость, превратил Богдановку в цветущее имение. Выкапывал пруды, рыбу разводил. Завел тонкорунных овец. Выписывал чистокровных жеребцов из Англии для своих конезаводов, коров из Дании сюда притарабанил. В общем, создал суперрентабельное хозяйство. Сынок же, подарочек, все спустил в унитаз...

— Это как?

— Тривиально. Не имея масла в башке, взялся сочинять оперу. Насочинял. Специалисты посмотрели и лениво пожурили парня.

— Это как?

— Пытались отговорить аматёра, чтоб не занимался не своим делом.

— Ну и что?

— Что-что. Он же просветитель, к тому же весьма упертый. Заложил это село и за 10 тысяч полновесных рублей заказал у одесских музыкантов из консерватории аранжировку своей оперы.

Пашка движется от бара. С какими-то бутылками. Вино. Неправильные бутылки.

— И что?

— Что-что. Ты помнишь либретто? Ну, поэму Шевченко?

— Смутно.

— Сюжет примитивный. Солдат-москаль сгвалтувал украинскую дивчину, без всяких романтических стосунков, без турпохода, и ушел из села со своей частью. Дивчина осталась в селе почти беременная, опозоренная. В общем, карьера ее безнадежно утрачена. Виноват во всем москаль-оккупант. У Шевченко сплошной социальный накал, без всякого романтизма. Аркасу, естественно, это не понравилось. Он больше любил романтические стосунки и потому заставил Катерину

полюбить москаля, превратив шевченковский социальный конфликт в неразделенную любовь...

Легкий хлопок. Пашка открыл бутылку «Каберне». К сыру, конечно, нормально, но не хочется ничего кроме водки.

— А что, водки нет?

— Есть.

— Тогда принеси, я не буду это пить.

— Ты стал капризен и сильно грузишь окружающих.

— Жалко?

— Да нет, — Пашка идет к машине.

— И чем все кончилось? — Галка домазывает паштетом бутерброды и раскладывает их по салфеткам.

— Банально закончилось. Одесситы все сделали, как у Шевченко. Модуляцию на социальный конфликт, акценты соответственные. В общем, все как у великого кобзаря...

— Ну и что?

— Не понравилось это Аркасу. Обратился он к нормальным николаевским музыкантам, и те сделали, как он хотел. В общем, турпоход и романтические стосунки. Имен этих музыкантов история не сохранила. Вот такой веселый композитор. Жена после его смерти с большим трудом выкупила закладную на Богдановку. Зато приобрел харизму в 30 сантиметров, стал великим. Потом заскучал в композиторском величии и стал великим историком, затем великим просветителем. Короче, забыл про все свои былые турпоходы.

Пашка уже всем налил и ждет окончания нашего диалога. Американец напряженно вглядывается в меня и что-то говорит Галке.

— Давай бахнем, а то он сейчас затрахаёт глупыми вопросами.

Быстренько пьем.

— Он просится в Ольвию, — протягивает помидоры Галка.

— Скажи, что в Ольвию ехать уже поздно. Скажи, что заповедник через 10 минут закрывается. Скажи... Ну, наври ему что-нибудь. Скажи, что поедem к адмиралу по местам былых турпоходов.

Переводит. Американец хмурится.

— Он спрашивает, кто такой адмирал.

— Пусть сначала выпьет и закусит. Дэвид! Je bois pour votre santé, — выскакивает из меня банальная французская фраза.

Дэвид кисло улыбается и пьет. Сквозь бутерброд что-то говорит Галке.

— Он опять спрашивает про адмирала.

— Что ему надо?

— Говорит, что у них основатель американского флота адмирал Джонс находился в Бостоне, возле моря и кораблей. Он шутит что-то про речного или озерного адмирала, — пожимает плечами Галка, — говорит, что весь флот в Севастополе, а адмирал на суше в Николаеве, короче, Сережа, он так иронизирует.

— А-а, у этого морского волка проснулось игривое настроение. Передай ему, что их великий адмирал Джонс, который командовал двумя канонерками, когда Штаты были еще банановой республикой, в подметки не годится самому задрипанному мичману Черноморского флота.

— Я не буду ему это говорить, он и так на взводе. Чувствует наше пофигистское настроение.

— Действительно, Серега, — Пашка разливает остатки вина, — тебя сегодня зашкаливает.

— Ладно, черт с ним. Скажи ему, что адмирал самый настоящий. Кстати, Аркас, будучи флигель-адъютантом Николая I и командиром морского гвардейского экипажа в Санкт-Петербурге, состоял в тесной переписке с ихним Джонсом, был у него наставником, советы советовал, как организовать американский флот.

Галка быстро тараторит. Мы с Пашкой пьем и закусываем арбузом. Американец поднимает брови и качает головой.

— Что, опять не верит?

— Просит рассказать подробнее.

— О чем?

— О ком. Об адмирале, конечно.

— Нема пытань. По дороге все расскажу. Поехали.

Собираем остатки еды, наливаем на коня. Закуриваем.

— Он спрашивает, где похоронен адмирал.

— В Николаеве. Сейчас расскажу все.

Садимся в машину, мягко трогаемся.

— Все эти земли, Дэвид, родовое имение Главного командира Черноморского флота и портов Николая Андреевича Аркаса. Здесь он отдыхал от государевых дел. Разводил рыбу, коров, коней. Детей здесь рожал. В общем, все было тут в порядке. Имение приносило доход. Адмирал разбирался в бизнесе...

Американец умиротворенно слушает, он почти заснул и не перебивает Галку, которая, кстати, тоже зевает. Похоже, беседы про бизнес — для него колыбельная. Космические корабли бороздят Большой Театр. Мне обидно. Совсем обидно вещать в эту сытую пустоту.

Пересказываю всю удивительную биографию адмирала. Никакой обратной связи. Американец начинает тихо посапывать. Галка расслабилась, не переводит и десятой доли моей честной лекции. Батрачу один. Совсем один. Надо помолчать. Интересно, что там осталось в баре? Ага, коньяк, водка на дне, какие-то ликеры. Стакана нет. Делаю из коньячной бутылки два больших глотка. На заднем сиденье невнятное бормотание.

— Он спрашивает, был ли адмирал владетельным сеньором на этих землях?

— Во дает! Этот сын прерий допился до ручки. Здесь не было владетельных сеньоров, не было права охоты на крестьянских посевах, не было права первой ночи. Скажи ему, что это не дикая Европа с дебильным феодальным правом. Это Украина. Здесь были турпоходы с романтическими стосунками.

— Адмирал ходил в турпоходы?

— Нет, адмирал ходил в Питере, здесь его сынок ходил...

— Это какой?

— Композитор, конечно. Приезжал из Одесского университета сюда на каникулы и организовывал турпоходы с крестьянскими девушками.

— А адмирал?

— С папашей у композитора были сложные отношения. Он находился в тинэйджерском возрасте, и его изрядно штормило. Ты же знаешь первую заповедь тинэйджера?

— Какую?

— Послушай, что скажут родители, и сделай наоборот. В письмах к матери он называет адмирала «царским сатрапом».

— Подожди, — Галка листает маленький словарь, — как перевести «сатрап»?

— Переведи как «лакей» или как «наместник», «функционер». В конце концов, кто филолог, ты или я?

Галка что-то на пальцах рассказывает американцу.

— Сатрапом называл не по идеологическим соображениям.

— А по каким?

— Папаша запрещал ему ходить в турпоходы.

Делаю два больших глотка из бутылки. Пашка пристально уставился на меня. «Не переживай. Наладится».

— Это как?

— Как-как. Банально. Совсем банально. Когда он приезжал на каникулы, то сразу вступал в романтические стосунки с крестьянскими девушками. Форсировал по неопытности весь турпоход. Предлагал руку и сердце, норовил тайно обвенчаться с какой-нибудь селянкой. Папаша, прекрасно зная своего отпрыска, лениво наблюдал за ним. Бедняга суетился, загонял лошадей, объезжая сельские приходы в Херсонской губернии. Уговаривал священников за любые деньги тайно обвенчать его. Ничего не получалось из года в год, из каникул в каникулы.

— Почему?

— Адмирал поступил как на флоте. Вызвал пред свои ясны очи херсонского владыку и сказал, что выпорот на конюшне любого, кто без родительского благословения обвенчает парня. Вот такие пироги. Не помогли никакие деньги. Папаша возвел непреодолимую стену между интимными и романтическими стосунками, а спустя некоторое время сам организовал турпоход для композитора. Интим соединился с романтизмом через родительский расчет...

Американец что-то бормочет.

— Он говорит, что адмирал поступил разумно.

— Для кого разумно?

— Для семьи, для рода.

— Он поступил как селекционер-мичуринец, а не генетик. Генетик знает, что дети, рожденные в любви, самые красивые и жизнеспособные, а селекционер думает об урожайности, экономике, умножении имущества. Селекционер не знает турпохода, для него отношения между полами — это продолжение рода. Это даже не спорт, это приращение поголовья. Нет ни интимных, ни романтических стосунков, сплошная прямая кишка.

Американец, кажется, проснулся. Мне в зеркало видно, как он хмурит лоб. Боже, неужели он пытается проникнуться славянским менталитетом?

— Дэвид, у тебя есть жена?

— Yes!

— У тебя были романтические отношения с ней?

— Yes.

— Долго?

Американец что-то долго говорит, загибая пальцы. Галка все переводит в два слова.

— Шесть лет.

— Ты ухаживал за ней, говорил что-то приятное, дарил подарки...

— Yes.

— И когда романтические отношения переросли в интимные? Как это произошло?

Американец опять хмурит лоб, затем что-то быстро говорит. Галка отвечает. Они долго беседуют. Обо мне забыли. Слава богу. Можно налить. В бутылке еще граммов сто осталось.

Галка прыскает в кулак и трясет сзади за плечо. Коньяк проливается на колени. Жаль. Совсем жаль.

— Он говорит, что сначала они заключили контракт, а потом уже...

— Что уже?

— Уже и вступили в эти самые отношения.

М-да. Стопроцентный американец. Брачный контракт — мостик, по которому можно комфортно перейти от романтических стосунков к интимным.

— Скажи ему, что это неправильно. Категорически неправильно.

— Почему?

— Потому что исчезает турпоход — самое прекрасное время в жизни. Когда все цельно и едино. Когда нет ни биологической, ни духовной отстраненности, когда купаешься в этой любовной ауре, живешь напряженным и радостным ожиданием. В это время создаются шедевры. Посредственность сочиняет гениальную музыку, бездарный журналист становится писателем, писатель уходит в запой. Время непредсказуемых поступков. Турпоход у славян продолжается недолго. Затем наступают партнерские отношения. Плита, дом, обязательства, новые родственники... Это конец маршрута. Это финиш. Дальше бытовуха. Передай ему, Галка, что у нас контрактные отношения начинаются только после турпохода. Есть, правда, отдельные особи, которые пытаются растянуть его на всю оставшуюся жизнь. Но у них это слабо получается.

— Почему? — Галка внимательно слушает, американец тоже молчит, Пашка приглушил музыку и, похоже, тоже заинтересовался.

— Потому что два турпохода в жизни человека не бывает. Он уникален. Любое его тиражирование приводит к спорту. Попытка в зрелом возрасте пережить полноту чувств первой любви — это погоня за химерой. Такого уже никогда не будет. Будет лучше в романтических стосунках или лучше в сексе, но отлетной гармонии, радостного ожидания и цельности первого турпохода уже не достичь никогда. Спроси его, Галка, указано ли в его брачном контракте, сколько раз

в неделю он должен вступать в интимные стосунки со своей благоверной.

Галка очнулась и быстро говорит, помогает себе руками. Мы въезжаем в село. Уже вечер, и навстречу нам бредет стадо коров. Пашка останавливает машину и задраивает стекла. Стадо обходит «Вольво» с двух сторон.

— Он говорит, что есть такой пункт в брачном контракте, но они его не придерживаются.

— Ага. Он, оказывается, совсем не законопослушный. А сколько раз в неделю он не придерживается?

— Это жлобский вопрос, и я его переводить не буду. Это...

— Ну хорошо. Спроси, сколько раз указано в контракте.

— Два раза.

— Дэвид, дружище, очень легко посчитать время твоего оргазма.

Дэвид, это здорово — знать время своего плотского счастья. Смотри. 54 недели в году умножаем на два обязательных контрактных стосунка, затем на 30 лет полноценной половой жизни. Пашка, дай калькулятор... Итого, получаем: 3240 раз в этой жизни тебе придется заниматься спортом с твоей партнершей. В среднем оргазм переживается за 2,5–3 секунды. Умножаем это на 3240 раз и получаем 9720 секунд, Дэвид, твоего чистого плотского счастья. Всего три часа твоего счастья! Только три часа! И за это всю жизнь притворяться романтиком, когда ты уже партнер. Даже не соратник, а партнер. Знаешь, Дэвид, у животных все честнее. Лососи, когда идут на нерест, преодолевают множество опасностей и препятствий. Их ловят браконьеры, медведи, они продираются по мелководью против течения. Не многие выживают в этом турпоходе, но те, которые преодолевают все препятствия и достигают желанного высокогорного озера, начинают переживать чудесные времена. Самцы и самки меняют цвет, становятся валяжными и в течение трех суток, Дэвид, целых трех суток! — переживают состояние оргазма. Вдумайся, Дэвид, 72 часа оргазма за трое суток и твои 3 часа за всю жизнь.

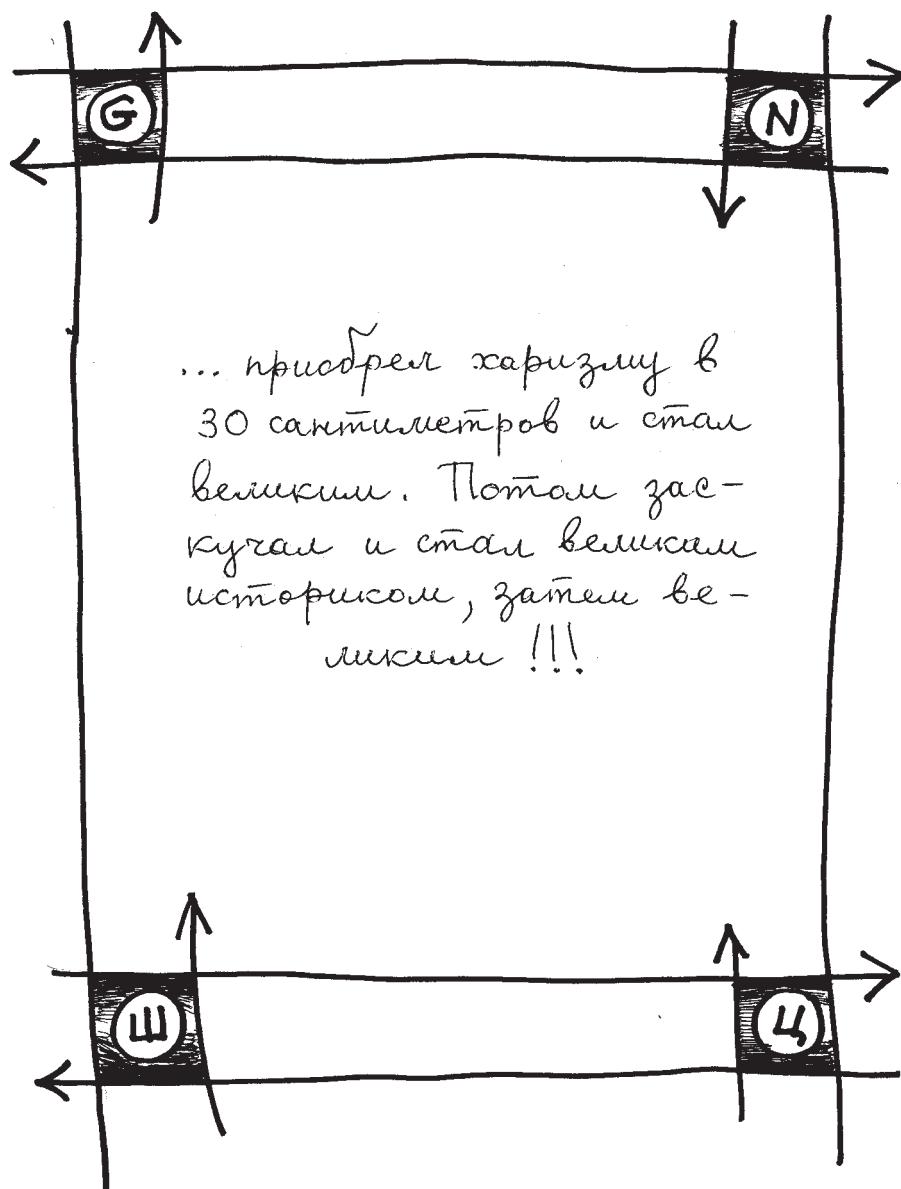
— Зато они потом сразу умирают, — закуривает Пашка и лениво смотрит на проходящих коров.

— Умереть в оргазме? Хм. Неплохой финал в турпоходе. Где-то в литературе это уже было, не помню точно...

— У Набокова в «Лолите», — вклинивается Галка, — главный герой умирает во время оргазма...

— От онанизма он умирает, — задумчиво произносит Пашка и заводит машину, — от тесных интимных стосунков с умным человеком.

Коровы уже прошли, и мы трогаемся по разбитой дороге дальше.
— Но лососи умирают не от этого. У них заканчивается жизненный цикл. Эх, Дэвид, Дэвид... В турпоходе жизнь начинается и заканчивается. Все, что за его рамками, — иллюзия и химера. За рамками начинаются контрактные отношения, оргазм по расписанию. Вот такие пироги, Дэвид.

На горизонте показалась богдановская церковь. Синие купола на фоне лимана. Она похожа на яхту и качается на волнах. Иллюзия полная. Я, наверное, опять пьян. Закрываю глаза и качаюсь вместе с яхтой. У меня морская болезнь, надо поблевать за борт.

Турпоход на яхте называется круизом. Тут другие законы. Меньше пространства, больше откровения. На борту все предопределено. Разобраны роли, написан сценарий. Сценарий часто бывает ущербный. Идет перекося на интимные стосунки, для романтизма не хватает времени и пространства. Борт пассажирского лайнера перенаселен, это не дает возможности обрести цельность и гармонию сухопутного похода. Надо постоянно блевать за борт...

— Просыпайся, приехали, — Пашка больно пихает локтем в бок. Открываю глаза.

— Вот, Дэвид, можешь здесь побродить и оглядеться. Пофотографируй свою жидовскую морду на фоне православного храма...

— Серега, перестань, — Пашка устало поправляет солнечные очки, — иди, рассказывай, показывай ему. Иди...

— Там еще осталось в баре? — у меня пересохло в горле, и хочется любой влаги.

— Иди, не расслабляйся.

Американец пристраивается на фоне церковной ограды. Галка фотографирует его.

— Осталось там?

— Боже, как ты меня достал, — он роется в баре. — «Каберне» только.

Глоток теплого вина и сигарета приводят в чувство.

— Иди уже, — нервничает Пашка, — сам виноват, какого черта ты его сюда притарабанил?

Вылезает из машины. Американец машет нам рукой.

Подходим.

— Он спрашивает, кто построил эту церковь.

— Родовой храм адмирала. Он построил на свои кошты. Внутри есть склеп, там похоронена восемнадцатилетняя внучка адмирала, София.

Галка переводит.

— Он спрашивает, можно ли пойти посмотреть на могилу.

— Нет, Дэвид, она уже там не лежит.

— А где?

— Нигде. В 1921 году приехали сюда на машине чекисты. Согнали жителей на площадь. Открыли храм, устроили костер из икон. Прах Софии выкинули из склепа и разбросали останки по церковному двору. Вот такая воспитательная акция.

Все замолчали. Американец что-то с сочувственным лицом говорит Галке.

— Он спрашивает, кто такие чекисты.

— Цэрэушники. Внучка адмирала была красива. На нее заглядывались аристократы Москвы и Питера. Умерла от туберкулеза. Не успела поучаствовать в турпоходе. Вот так вот.

Дэвид кивает головой. Сочувственно кивает.

Солнце садится на другой стороне лимана. Кинбурнская коса обрела четкую графику.

— Поехали, Пашка, домой. Хватит с него впечатлений. Завтра с утра — в Ольвию, и пусть потом уматывает в свою Америку.

Мелькают придорожные деревья. Бар уже пуст. Совсем пуст. Дэвид болтает о чем-то с Галкой. Из динамиков похоронная оратория «Эминем». Галка трогает за плечо.

— Он спрашивает, почему чекисты разрушали храмы. По чьему приказу? Зачем разведчикам разрушать церковь?

— Это долгая история, Дэвид. Чрезвычайная комиссия — это не совсем ваше ЦРУ. Это не разведка, это больше напоминает гестапо, тонтон-макутов, красных кхмеров. Это политическая полиция, которая вела войну против своего народа. Кстати, в Богдановке есть красивая легенда по поводу чекистов, которые разорили склеп адмиральской внучки.

— Какая?

— Интересная легенда. Якобы все, кто участвовал в этой богдановской акции, были бывшими матросами. Здоровыми, под два метра ростом, ну, в общем, кровь с молоком. С красными мордами такие. Дак вот, буквально через два месяца все стали болеть какой-то неизвестной болезнью. Стали таять на глазах и умирать. Перед смертью весили как подростки, как адмиральская внучка. Последний из оставшихся — комиссар, который руководил акцией, приковывал на цер-

ковный двор из города, упал на ступени оскверненного храма и молился, пока не умер. Вот такие пироги, Дэвид.

Въезжаем в город. Американец нахохлился на заднем сиденье и молчит. Подъезжаем к Пушкинскому кольцу. Мне надо выходить.

— Ты еще будешь носиться с ним?

Пашка останавливает машину.

— Ну да. Он просится в сауну с тетками.

— В турпоход хочет?

— По твоей теории, он хочет в спортзал на тренировку. На романтизм нет времени.

— Галка, ты тоже с ними на тренировку?

— Нет. Им нужен не переводчик, а спортивный комментатор, если вообще нужен...

Американец сует мне в карман деньги. Не сопротивляюсь. Зачем?

— Он говорит, что было очень интересно, и опять просится в Ольвию.

— Завтра, завтра. Передай ему, что все будет честно, без турпохода. Бай, Дэвид, не перетрудишься в спортзале.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. Привалы в турпоходе

«Группа должна идти равномерно, «в темпе слабейшего». Равномерность движения помогает сохранять силы, работоспособность туристов. Для поддержания равномерности движения надо следить за постоянством количества шагов в одинаковые отрезки времени. Причем на пересеченной местности шаг туриста удлиняется на легких спусках и укорачивается на трудных участках и подъемах. Уходя с привала, туристы медленно набирают оптимальную скорость движения и сбавляют ее, подходя к очередному привалу».

**Методична розробка викладача фізичного виховання
МДВМУ Бакланова І. А., Миколаїв, 2004, с. 7.**

Привалы в турпоходе — коварное искушение. Межбрачный период в жизни. На привалах туристов часто штормит. Забыть устоявшийся семейный быт, похоронить свои обязательства к партнеру, плюнуть на перспективу добропорядочной совместной старости с внуками на руках, — все это гнездится в подкорке каждого нормального участника похода. Что-то в этом есть. Есть что-то.

Привальная сиеста пробуждает воспоминания о былых романтических стосунках, заставляет грезить о полноте чувств, о мире свежих красок.

Неопытные туристы почти всегда поддаются этому побудительному мотиву. Воскресить биение сердца как у голубя, бытие без логики, существование на одних рецепторах... М-да, желание, с которым трудно бороться. Совсем трудно.

Экскурсия в атмосферу первой любви, в мир созидательного безумия — задача не из легких. Многие считают, что игра стоит свеч, и начинают лениво дефилировать в свою молодость. Поддаются искушению и... быстро ломаются.

Никому не удастся выплеснуть духовную старческую усталость через тинэйджерскую экстравертность. Никто не может в свои пятьдесят смотреть на мир вечно удивленными глазами.

Это погоня за химерой. Тяжело убеждать себя круглые сутки, что ты счастлив. Совсем тяжело. Под вечер начинает пробивать цинизм, старческое брюзжание. Жизненный опыт побеждает романтическое безумие, свежие краски тускнеют, логика и рационализм вступают в свои права.

Привалы в турпоходе — коварное искушение. Достойно уйти с привала — большое искусство, не каждый старый пердун им владеет.

Привал первый. Тинэйджеры

Николаевское музучилище. Оазис творчества. Все без понтов. Хороший клуб. Я по-настоящему счастлив, что в него вхож. Никаких вступительных взносов. Меня приняли сюда с улицы читать философию, социологию, историю Украины и еще какую-то ересь, не помню точно.

Свезло, как говаривал Шариков, совсем свезло.

Мне здесь нравится. Пианисты третьего курса брезгливо морщатся, когда слышат компьютерный голос Глюкозы.

Детки — трудяги. Работают по 14 часов. Аура напряженного творчества по старым коридорам. Отношения, как в американском колледже — неформальные. Все мои потуги придать своим занятиям хоть какую-то форму — эфемерны. Форма тут не приживается. Она отвергается с порога раз и навсегда. Поэтому наше общение проходит в режиме диалога. Философская иерархичная структура модулируется в музыкальную синусоиду. Аристотель, Кант и Гегель «звучат» по-новому свежо. Меня это забавляет, но я иногда сбиваюсь с ритма и «фальшивлю». Тогда они тускнеют, начинают ерзать, смотреть на часы, тактично кашлять («куда несешься, парень?»). Однако с каждой парой мое исполнительское мастерство растет. Я это сам чувствую.

Они ко мне приходят раз в неделю. Приходят отдохнуть от трудов праведных. Я их уважаю, но виду не даю.

Никакой итальянский гуманизм не залезет в голову, перегруженную сольфеджио и теорией музыки.

Я их дразню. Мне нравится их дразнить. Они заводятся с полоборота и ходят ко мне, как на репетицию. На философию ходить безопасно. Здесь не обижают, не оскорбят. У меня комфортно. Потому и ходят.

Сегодня Треченто. Провокационная и пограничная тема. Совсем провокационная. У меня в башке турпоход. Значит, будем говорить о романтических стосунках.

14 девиц. 19 лет. Пианисты, 3-й курс. Агрессивный возраст. Мой возраст.

Тянутся. Тянутся по чайной ложке. В училище нет звонков. Бессмысленно. Звуков и так много. Преподаватели по специальным дисциплинам не хотят отпускать их вовремя.

Тянутся. Рассаживаются. Извиняются. Болтают. Ждем остальных.

У меня в башке турпоход, а надо вещать о философском трактате Петрарки «Презрение к миру».

Схоластические диалоги великого поэта с блаженным Августином вызывают у меня рвотный рефлекс.

Барышни собрались и цинично разглядывают мой потрепанный фэйс. М-да, общение с заокеанскими эстетами не красит славян.

Разговоры прекратились. Молчание затягивается. Скоро пауза станет неприличной. И вот она уже неприлична. Барышни все хорошие и хорошие, но сейчас верх взяла половая солидарность. Все видят, что я с бодуна, и мстительно молчат. Красивые лица. Во взглядах никакого сочувствия. («Вещай, вещай»). Молчат. Совсем молчат. Мерзкие тинэйджеры, маленькие сучки.

Надо что-то говорить. Молчание уже театрально.

Делаю вдох.

— Театр начинается со лжи. Это придумали греки, и потому вся античная цивилизация с ее искусством свободна от законов логики, оторвана от привычных родовых форм. Формы родового сознания прятали театральную ложь за рамками религиозной правды. Греки первые переместили театральную правду на первый план, сделав реальную действительность жалким подобием правды, фоном актерского лицедейства. Чем больше сценической лжи, тем реальнее выглядит изображаемая в пьесе действительность.

Деревянный язык, дерганье кадыка, хриплый голос, несвежая рубашка. Непривабливый вид. Эх, межбрачный период, межбрачный период. Меня никто не перебивает. Во взглядах тинэйджерский цинизм. Надо двигаться дальше.

Опять вдох.

— Театральная ложь оттеснила за кулисы жизненную правду. Степень театральной лжи прямо пропорциональна доверию зрителя и обратно пропорциональна существующим реалиям.

— Это как?

Ну, слава богу. Наконец-то. Меня перебили. Наталья. Самая умная в группе. Первая поняла мое состояние. Пожалела. Наверное, у нее в семье тоже есть пьяницы. Спасибо тебе, добрая девочка.

— Все просто. Когда герой-любовник признается на сцене своей героине в любви, он обязательно должен быть отстранен от своих чувств. Желательно, чтобы героиня была ему отвратительна в реальности. Только тогда зритель поверит в искренность любовного сценического диалога. Для достижения театральной правды героине в быту необходимо писать на героя докладные в какой-нибудь театральный профком, стучать жене героя на интимные стосунки с молодыми дебиутантками, сталкивать лбами с лучшими приятелями, ну, в общем, быть стервой. Причем предельной стервой. Это большое искусство — быть предельной стервой. Этому надо учиться. Сценарный текст и внутренняя неприязнь героя к героине порождают сценическую правду. Внутренняя неприязнь героя-любовника к партнерше должна быть стабильна. Он должен ее стабильно не любить. Именно «не любить», а не «ненавидеть». Очень спокойно не любить. Нельзя срывать в ненависть или в целеполагающую нелюбовь. Если это случится — никто не поверит тексту. Станиславский кричал как зарезанный, когда чувствовал это на репетициях. В его театре была тихая ненависть. Совсем тихая. Это касается только любви. Только романтических стосунков. Если герой-любовник реально состоит в романтических отношениях со своей партнершей, если она ему нравится бесконечно, — дрова! Полные дрова! Прощай, театр. Публика чувствует себя не в зрительном зале, а на приеме у психоаналитика.

Пауза.

Я проговорил минут 20, а кажется, что болтал всю жизнь. Барышни молчат. Задумались.

Надо сворачивать к скучному трактату Петрарки. Не хочется. Совсем не хочется.

Вдох.

— У нас сегодня семинарское занятие. Будем говорить о романтических стосунках. О любви. Загадочное состояние души человека. Первая попытка его препарировать принадлежит Петрарке — великому поэту-философу итальянского Возрождения эпохи Треченто. Именно он пытался выяснить, когда исчезает стена между плотским инстинктом и всепобеждающим чувством, когда прекращаются по-

требительские отношения между полами, когда прямая кишка отступает в сторону и начинается духовный полет...

Боже, что я несу?! Зачем тинэйджерам про кишку? Куда меня тащит?

Вдох.

— Франческо Петрарка под занавес жизни пришел к парадоксальному выводу о театральной природе любви. Двое актеров на сцене создают свою реальность. Чем больше лжи в этой театральной реальности, тем искренней становится разыгрываемая действительность. Актерское мастерство заставляет поверить правдивому сценарию — жизни. Чем выше лицедейство, тем пламеннее страсти. Беда в том, что зрителей на этом спектакле тоже двое. Это сами актеры. Они не осознают подмены реальности игрой. Они бессознательно соединяют кулисы и сцену, воображение и действительность. Они наделяют своих персонажей несуществующими качествами. Любовь у Петрарки — божественная цельность духовного и тварного начал. В антракте актеры приходят в себя и оглядываются. Спадает пелена, исчезает цельность восприятия бытия. В антракте начинается поиск ущербности своего идеала. Это приводит или к оправданию, или к отрицанию предмета своего вожделения. Люди не могут бесконечно долго переживать накал любовных страстей, антракты нужны для того, убежден Петрарка, чтобы продолжить турпоход до следующего антракта.

Все. Абзац! Договорился. До ручки договорился. Поднимаю глаза. Никто ничего не заметил. Похоже, восприняли «турпоход» как преподавательский сленг.

Вдох.

— Лицедейская отстраненность актера позволяет ему воспроизводить накал страстей в течение всей своей карьеры без ущерба для здоровья. Отстраненность зрителя делает возможным просмотр латиноамериканских мыльных опер, которые тянутся годами. Если отстраненность исчезает, начинаются романтические стосунки. Возникает ситуация, когда актер-зритель не верит, что часы на сцене бьют 5 раз и показывают 5 часов, но если они показывают 5 часов, а бьют 150 раз — тогда это правда. Это романтическая реальность. Петрарка генерировал свое романтическое бытие всю жизнь. Хрестоматийная любовь поэта положила начало соответственным поведенческим стереотипам в Европе. Благородные рыцари перестали, не снимая доспехов, задира́ть подол прекрасным дамам, а принялись им служить. Этот поведенческий стереотип тоже был доведен до абсурда. Над ним впоследствии посмеялся Сервантес, но это уже другая история.

Пауза. Барышни молчат. Задумались. Прилежные тетki озадачены. Морщат красивые лбы. Мстительный цинизм в глазах исчез. Можно и мне помолчать.

— Сергей Иванович, если бы Лаура была реальной, появились бы эти виртуальные сонеты?

Виктория. Классная пианистка. Был два раза на ее концертах. Совсем классная. Нельзя быть красивой и умной. Это деформирует уже мой стереотип о барышнях — «или то, или это». Наверное, потому я с ней по-пролетарски невежлив. Никто не любит исключений. Деформация привычных представлений — процесс болезненный. Однако сегодня сил нет на перебранку.

— Печаль, Викуля, в том, что Лаура была реальностью. Петрарка проделал над собой большое усилие, чтобы сделать ее виртуальной. Она, скорее всего, была горбатой, с одной ногой и без зубов. Воображение поэта сделало ее тем, кем ее знает весь мир. При виде Лауры эстетическая эмоция совсем не захлестывала мужчин. Вероятно, по эталонным представлениям 14 века, она была некрасива. Если бы ее небесная красота была реальной, мы бы ничего не знали о романтических полетах во сне и наяву..

— Но что-то должно было его подпитывать?

— Зачем? Плотская убогость Лауры генерировала мечтательную метафоричность поэта. Если бы ее небесная красота была у него под рукой, не было бы потребности вещать на весь мир о том, какая она необыкновенная. Это был бы ксерокс. О тебе, Викуля, никто так не напишет. Ты всегда будешь безымянной барышней «под рукой».

Я отомстил. Это тебе маленькая гадость за тинэйджерский цинизм в начале пары.

— Что же нам теперь, всем ноги под трамвай ложить?

— Класть! У нас семинар не на вышуканной мове! Класть! Запомните, класть! — кажется, я сорвался на повышенный тон. Это похмельный синдром. — Ноги совсем не ваш инструмент. У вас руки и голова. На педаль можно жать и протезом.

Зря я сорвался. Опять понимающий цинизм в глазах.

— Я не хотел никого обидеть. Я хочу, чтобы вы прикоснулись к этому руками. Петрарка все сделал для того, чтобы можно было потрогать свою первую влюбленность. Ощутить ее как-то... Все вы будете переживать романтические стосунки. Наблюдать себя в это время со стороны — невозможно. Сонеты Петрарки — лакмусовая бумажка. Когда вы будете пялиться в потолок после отлетной любви, приведе-

те мозги в порядок, только тогда вы задумаетесь, во что вы вляпались: в прямую кишку или вышли навстречу божественному проведению. Сонеты — лакмусовая бумажка, индикатор, по которому вы можете определиться в своих чувствах. Пользуйтесь этим инструментом бесплатно. Ладно, свободны. В следующий раз читать «Божественную комедию». Будем говорить о предательстве.

Склоненные головы. Записывают домашнее задание. Красивые головы. В глазах нет цинизма. Это радует. Зря я сорвался. Как-то не педагогично все...

Уходят молча. Я их тиранил лишних двадцать минут.

Бабушка гладит меня по голове. Она все понимает и жалеет своего внука. Бабушка мое второе Я.

Уехала с родителями дочка нашего соседа. Он военный, и его переводят из гарнизона в гарнизон. Она меняет номенклатурный дом в Новосибирске («дворянское гнездо») на пыльный гарнизон в Казахстане.

Я не могу без нее в свои одиннадцать лет. Боль раздирает меня всего. Бабушка успокаивает меня. Гладит по голове. «Она обязательно к тебе вернется».

Первая утрата в жизни разрывает меня на части. Боль физическая. Болит внутри. «Это болит душа, — бабушка кладет мне руку на спину и гладит, — она к тебе вернется». Я верю, что от любви можно умереть.

Через десять лет она вернулась ко мне. Мы прожили счастливо целых 12 дней, вернее, проплыли в одной кровати. Затем у нас кончились сигареты. Я оделся и спустился в магазин. Это был первый привал в турпоходе. Затем она перебралась в койку моего друга, а я уехал в Николаев.

Холодные ладони закрывают мне глаза. Мягкая грудь прислоняется к спине.

Светка. Подкралась.

— Записи записываешь?

Она не заметила моего похмельного дрема. Я заснул в аудитории с ручкой в руках.

— Работаю в поте, несу разумное...

— В глаза смотреть, когда говоришь о работе.

— Дура, я просто задумался...

— Ладно, пошли на пиво, мыслитель.

О-ох, хорошо с корешами в клубе. Пошли, Светка.

Привал второй. Рорбах

Я у Пашки в мастерской. Старое здание худфонда на Инженерной. Четвертый этаж, окна во двор. Тишина. Шум с проспекта сюда не доходит. Теплый октябрьский вечер. Солнечный свет на пустых стенах. Голые подрамники на полу.

Все Пашкины картинки забрал американец. Мастерская без них выглядит казенно. Ощущение разрухи.

У Пашки пауза. Голые стены, как чистый лист. Надо начинать с чистого листа. Новая жизнь с чистого листа. Я ему завидую и почти понимаю. Тяжело начинать с чистого листа. Круг замкнулся, надо забыть вчерашний день, вырваться из него и идти вперед.

В течение недели он теребил меня по мобильнику. Спрашивал о каких-то книгах, о расписании катеров на Косу, и вот сегодня, наконец-то, открытым текстом призвал к себе.

Ходит по мастерской. Большие шаги скрадывают пространство. Помещение от этого кажется меньше. Курит свои вонючие ментоловые сигареты. Молчит. Нервно молчит.

— Зря ты меня сегодня притащил. Тебе не помогут ни Сережа, ни Петя, ни Вася. Ты сам должен переползти в завтрашний день. Никто тебе здесь не поможет. Мы все у тебя в прошлом.

На столе бутылка крымской «Мадеры» и яблоки. Пить совсем не хочется. Откусываю яблоко, отворачиваюсь. От Пашкиных шагов рябит в глазах.

— Ты можешь до конца жизни со мной беседы пробеседовать, и не сдвинешься с места. Тебе надо другое.

— Что?

— Много есть разных инструментов.

— Напиться? Дури обкуриться?

— Хм, это самое простое, но ты на верном пути.

— В смысле?

— В смысле поиска выхода.

— Не томи.

Фу-у. Слава богу. Наконец-то остановился. Остановился у окна. Его тень на фоне красного заката зловеща. Чувствую себя Мефистофелем в кресле. Меня смешит ситуация. Она литературно-классическая, и в центре Николаева выглядит комично. Начинаю громко

жевать яблоко, чтобы не сказать какую-нибудь гадость. Сокраментальная истина, что художника легко обидеть, сейчас налицо. Пашку обижать не хочется. Совсем не хочется. Боюсь даже плохо подумать, мы общаемся на волнах.

— Не паникуй. Взрослый мальчик, лезешь в короткие штанишки. Алкоголь, травка, игла — это для глупых и ленивых. Это для тех, у кого нет масла в башке. Нормальные люди сублимируют энергию и ставят цель.

— Не матерись.

— Ладно, на пальцах показываю. Все зависит от стартовой ситуации. Если присутствует безысходность, тоска, внутренняя агрессия, тогда ее надо обострять. Ссориться с приятелями, портить отношения в семье, неприятно удивлять друзей, в общем, создавать враждебную внешнюю среду. Совокупная энергетика внутренней безысходности и агрессивной внешней среды выплескивается на холст, на бумагу, на экран, через звуки и прочее. В этом случае появляются вещи демонические, с врубелевским и босховским отражением. Если у тебя стартовая ситуация благодатная, то тебе надо моделировать окружающий мир в другую сторону. Делать его радостным и счастливым. И выплескивать все это на холст. В любом случае надо двигаться к цельности бытия. Разорванная личность творить не может. Мистер Джеакиль и доктор Хайд в отдельности были гениями, но как только воссоединялись — сразу становились посредственностью. Нормальные люди не сублимируют маргинальные ситуации, о которых я говорю. Нормальные люди очень чутко прислушиваются к себе и моделируют приемлемый вектор бытия. Например, легкую грусть, флегматическую мечтательность, романтические воспоминания и делают все это на автомате. У них сидит это в подкорке. У нормальных людей нет чистого листа, нет перерывов. Могу, правда, тебе польстить: они есть у ненормальных.

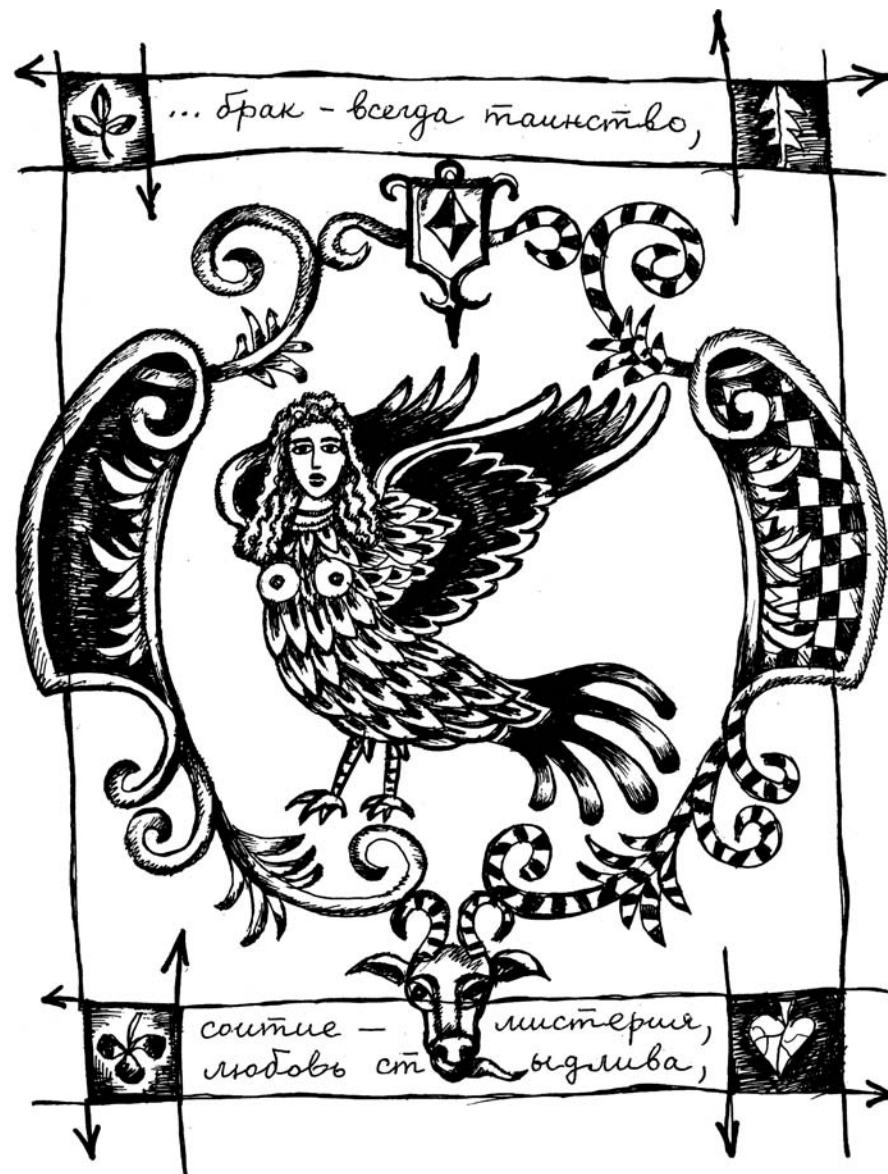
— У кого это?

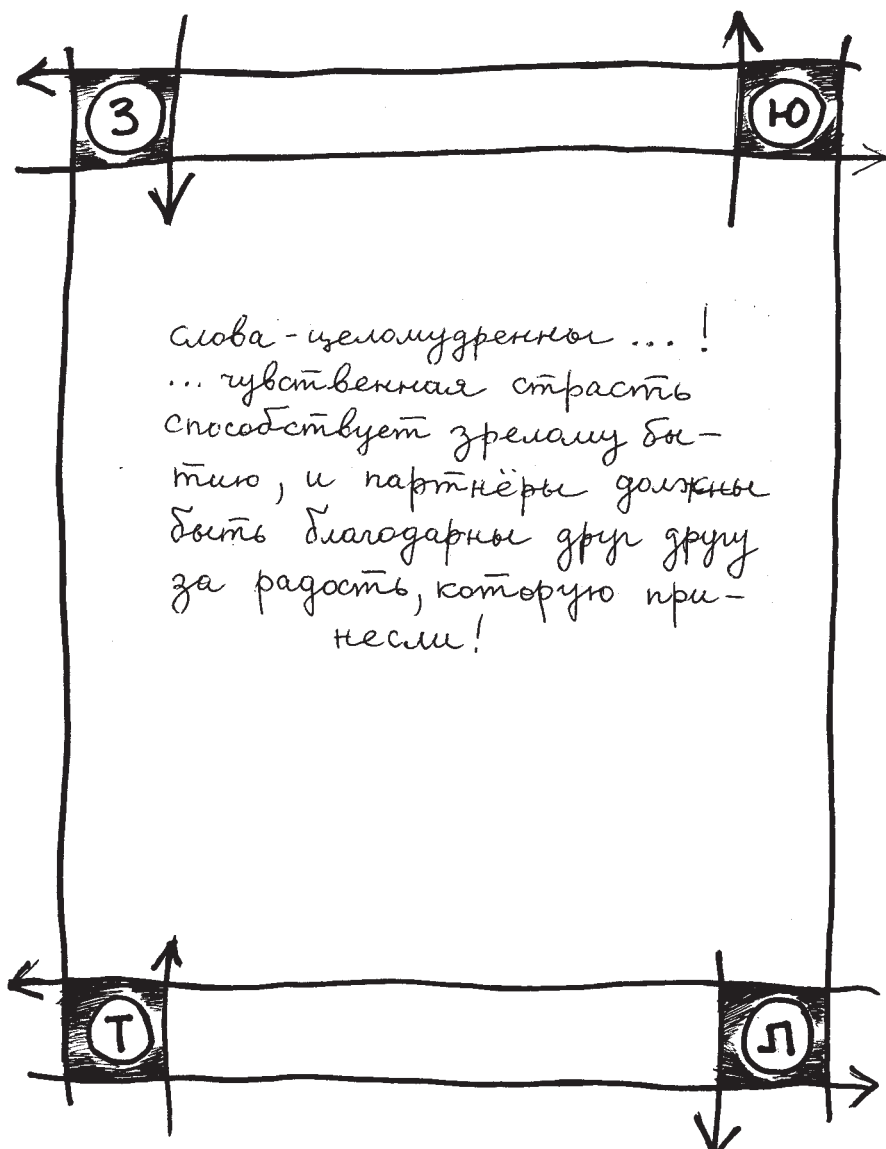
— Пикассо со своими голубыми и розовыми временами. У Дали и Модильяни тоже были периоды. Так что не вешай клюв. Тебе надо разобраться в своей стартовой ситуации и покончить с безвременьем. Какая у тебя внутренняя ситуация?

— Нейтральная.

Боже мой. Вот и диагноз с разбегу себе поставил. Наверное, потому и спокойно с художниками, что все они дети. До седых волос дети.

— Ладно. Давай сходим вместе в турпоход.

— Ты что?! У меня все нормально. Ты же знаешь, что все нормально с Танькой. Да и дочку никогда не брошу...

— Я тебя не призываю к адюльтеру. Тебе надо разобраться в самом себе, в стартовой ситуации. В четырех стенах у тебя ничего не получится. Совсем ничего.

— А турпоход?

— Романтический период в жизни может быть и созерцательным. Он, правда, связан с сопереживанием, но ты, думаю, справишься.

— Тогда пошли. А куда?

У Пашки ожили глаза, он как-то радостно засуетился. Все. Прощай, мои выходные. Сам виноват, никто за язык не тянул.

— В Рорбах.

— Куда?

— В Рорбах.

— А где это?

— Немецкая колония в Веселиновском районе. Надо выехать утром в субботу, чтобы вернуться в воскресенье вечером.

— Лады, я запаску поставлю...

— Нет, поедем рейсовым автобусом. Это турпоход, а не ралли Париж-Дакар. Созвонимся, — протягиваю руку прощаться.

— А бахнуть?

— Не хочу, завтра четыре пары, надо выспаться. Созвонимся.

Хреновый из меня психоаналитик. Оставил клиента не в том состоянии, в котором нашел. Обнадежил...

— Серега! — останавливает у двери Пашка, — а арест пропагандиста?

— Что?

— Ну, помнишь картину «Арест пропагандиста»?

— Ну, помню.

— Какая энергетика там сублимирована?

— Интересный вопрос. Какая там еще энергетика у передвижников? Тоска по детскому энурезу. Звони, не расслабляйся.

— Мы действующие лица?

— Что?

— В турпоходе мы действующие лица?

— Опосредованно.

— Это как?

— Как получится. Попробуем сначала понаблюдать.

Мы трясемся в рейсовом автобусе по разбитой проселочной дороге. Пазик забит народом. Бабки с какими-то коробками, ведрами, клумками. На заднем сиденье трясет неимоверно. Диалоги — украинский суржик. Запах немытого тела.

Пашка не знает, куда мы едем, но что-то чувствует. Напряжен и смотрит в окно. Ровные квадраты полей, линии посадок, курганы с триангуляционными знаками. Пейзаж еще тот.

Веселиновский район. В прошлом конопляные поля, рай для наркоманов. Сегодня — медвежий угол, самое тоскливое место в области.

Честно говоря, не знаю, зачем тащу его в Новосветловку. Что-то в последнее время совершаю много немотивированных поступков. Не знаю, чем все это кончится для Пашкиной тонкоорганизованной натуры.

Новосветловка — большое село. Бывшая немецкая колония Рорбах. Екатерина не доверяла казачьей вольнице и раздавала земли своим соотечественникам.

Бюргерская предсказуемость устраивала императрицу. Окраины империи должны быть законопослушны.

Немецкая основательность сквозит во всем. Широкие улицы, архитектура старых домов, планировка подворных хозяйств.

В 1939 году всех немцев выселили в Казахстан. Дали на сборы 24 часа и разрешили взять 50 килограммов имущества на человека. В домах сегодняшних селян до сих пор стоит добротная мебель из мореного дуба. Время от времени кто-то находит у себя на участке зарытое в землю столовое серебро, праздничную посуду из мейсоновского фарфора, фисгармонии и прочую утварь, которую колонисты хотели сохранить в надежде на скорое возвращение.

Рорбах переименовали в Новосветловку. Новое название у местного народа прижилось, хотя совершенно себя не оправдывает. Мрачное место. Витает дух оборванной общинной традиции. Разорванное родовое бытие между прошлым и будущим мстительно заполняется событиями.

Сначала все было хорошо. После войны на этих землях лет тридцать просуществовал колхоз-миллионер. Три поколения председателей честно получали свои медали. В беззаботные времена плановой экономики никто не обратил внимание на решение областного начальства построить здесь госпиталь для инвалидов Отечественной войны. Ну, госпиталь так госпиталь. Однако стройка почему-то затя-

нулась, а тем временем началась новая война, и планы поменялись. Оздоровительное учреждение в глубинке должно было теперь стать санаторием для воинов-афганцев. Однако и эта война закончилась, и планы вновь поменялись. Бессмысленно прятать безногих интернационалистов в глухой степи.

Решение нашлось быстро. Комплекс из трех зданий передали областному управлению социальной защиты. Сегодня здесь крупнейший в области женский психоневрологический дом-интернат. Самый натуральный дурдом.

Трехэтажные здания. Архитектура точь-в-точь как на летних базах отдыха в Коблево. Общий балкон-лоджия, окна во всю стену. Зимой температура в комнатах выше 5 градусов по Цельсию не поднимается. По мысли чиновников, это должно бодрить пациентов.

Сначала все было нормально. Дурдом существовал автономно и незаметно. Были, правда, проблемы с обслуживающим персоналом. На 240 подопечных по штату положено 180 человек obsługi. Но худо-бедно обходились как-то. Колхозные пенсионеры пристраивались сюда нянечками, кочегарами, электриками. Дурдом был особняковым и неприметным заведением.

Затем все пошло по порядку: перестройка, независимость, гибель гиганта-миллионера, приватизация, потеря рабочих мест. Население, как тараканы, брызнуло с проклятого села. Осталось 400 дворов и... все пристально посмотрели на дурдом.

Оказывается, дом-интернат — единственное учреждение с гарантированными рабочими местами. Сегодня здесь на должность нянечки конкурс, как в театральный институт. Дурдом превратился в единственного кормильца и источник дохода для бывших колхозников.

Вот оно, немецкое проклятие, слезы колонистов. Дурдом стал градообразующим предприятием, и, похоже, это только начало.

Здесь самое большое кладбище. Немецкий сектор, несмотря на заросли и общую неухоженность, выглядит внушительно. Мраморные надгробья, латинские надписи готическим шрифтом, все солидно. Современная часть кладбища — совсем убога. Покосившиеся металлические звезды, наполовину сгнившие деревянные кресты, свежие безымянные холмики, как на бомжатском секторе в Мешковке.

— Вымороченное место, — Пашка достает из сумки флягу и делает большой глоток, — скоро здесь все сдохнет.

— М-да, это, конечно, не Арлингтонский цвинтарь, но впечатляет. Пошли отсюда.

Нам еще идти метров двести до церкви. Два года назад администрация дурдома и местная православная община начали строить храм Покрова Пресвятой Богородицы. Расписывает его мой друг Витька. Собственно говоря, именно от него я узнал об этом дурдоме. Рассказы впечатляли, но я думал, что это Витькина литература. Он любит иногда сгустить краски, расставить акценты, все художники немного беллетристы. Однако пока все сходится. Не канатчиков дача, но съемочный павильон для Бунюэля — это точно.

Пересекаем внутренний двор интерната, чтобы через черный ход попасть в храм. Сверху равномерный стук по стеклу. Поднимаем головы. Шторы везде отодвинуты, в каждом окне женские головы, приплюснутые о стекло носы, улыбки, ладони, барабаниющие по подоконникам. Останавливаемся посередине и оглядываемся. Безмятежные улыбки, носы и лбы о стекло. Звонящая тишина.

Нам не по себе. Пашка машет им рукой. Реакции никакой. Все застыло — и носы, и улыбки.

— Пошли отсюда, — беру его за рукав и тащу к церкви. Пашка как зачарованный рассматривает теток. — Пошли, мужской дурдом в другом месте.

В храме на лесах Витька грунтует подкупольный барабан. Он увидел нас еще во дворе и сейчас медленно спускается по шатким мосткам. Лицо в краске. Обнимаемся.

— Ты, Пашук, зря им ручкой семафорил.

— А что, нельзя?

— Да можно, но лучше их не замечать. Проблемы будут...

— Серьезно?

— Все серьезно, — Витька вытирает руки о грязное полотенце через плечо, — для них любая реакция мужика — сигнал к брачным играм. А вообще-то вы вовремя подросли, прямо в обед въехали.

— Мы привезли с собой...

— Не надо. Здесь поят и кормят на убой. Пошли.

Обедаем в аппаратах у батюшки. Он занимает три дальние комнаты во флигеле дурдома.

Отец Василий — выпускник Львовской духовной семинарии. Здоровый малый с умным лицом. Внимательно разглядывает нас, здоровается, широким жестом сажает за круглый стол.

В столовой темный резной буфет и старинное бюро со множеством маленьких ящичков.

— Немецкие штучки?

— Немецкие.

Без крестного знамения, молитвы и прочей профанации батюшка наливает нам своей водки.

— Ну, с приездом, за знакомство.

Пьем, закусываем. Разговорились легко.

Оказывается, за пять лет существования прихода здесь сменилось 14 священников, отец Василий пятнадцатый.

Семью сюда привозить не хочет. За два месяца успел раз пять подражаться с местными алкашами. На службы в храм ходит штук восемь старух. Ни крестин, ни отпеваний, ни венчаний в этом приходе не бывает. Вымороченное село. Немецкое проклятие.

— Самые нормальные прихожане живут здесь, в дурдоме, — отец Василий вытирает бороду рушником, — все сумасшедшие — там, в селе. Господь отвернулся от них давно.

— Это что, приговор, батюшка? — Пашка цепляет вилкой маринованную виноградину.

— Нет, Павел, просто биография у всех здесь одна.

— Как это?

— Как во всех вымороченных селах, — отец Василий двигает к нам тарелку с жареной рыбой. — Пацан с 10-11 лет пробует самогон, в 15 он — уже планокур со стажем, затем появляется альтернатива: если он за хулиганку не идет на зону по малолетке, то после армии садится на иглу и стакан одновременно, а в 35 — на погост, уже без альтернативы. Большинство даже не успевает жениться. Проклятый приход.

— А где турпоход наблюдать? — оборачивается ко мне Пашка. Он возбужден и, похоже, решил здесь набраться до чертиков.

— Что ты говоришь, Павел? — настораживается батюшка.

— Да нет, это мы о своем, о женском...

— Пашук, закусывай, — Витька пододвигает к нему тарелку. — Отец Василий, пусть несут горячее, хлопцы с дороги, не ели с утра.

Батюшка открывает форточку и кого-то громко зовет. Ему отвечает молодой женский голос.

— Сейчас Инна принесет горячее. Что-то у них со светом на кухне. Там уже неделю вентиляционщики работают...

Стук в дверь.

— Заходи, — батюшка освобождает место в центре стола для горячего, Пашка отодвигает в сторону бутылки.

Отворяется дверь, появляется большой поднос с овальным блюдом и... молодая девица, совсем голая. Перемещается по столовой

как одетая. Очень естественно перемещается. Расставляет чистые тарелки, убирает грязные. Лицо без напряжения, в движениях никакого нудистского эпатажа. Ощущение обыденной нормальности стопроцентное. Эдуар Мане, «Завтрак на траве».

Звон стекла за спиной. Пашка выпустил бутылку из рук. Девушка хватается веник и бросается подметать осколки.

— Тыфу, сатана тебя разрази, — отворачивается батюшка, — иди одевайся. Сколько тебе говорено-переговорено...

Девушка опустила руку с веником и застыла.

— Иди, иди отсюда, — поворачивает за плечи и выталкивает за дверь. — Совсем бесятся без мужиков. К своим уже привыкли, а появляется кто-то новый — начинается завлекалово.

Батюшка разливает всем по стопке. Пашка быстро пьет, наливает и опять пьет.

— Домахался ручонками, — Витька отодвигает от себя тарелку и смотрит во двор.

— Что, дружище, тяжело быть наблюдателем в турпоходе? — дразню я Пашку и, наверное, напрасно дразню. С ним что-то неладное творится.

— Ничего не могу с ними поделаться, — отец Василий накладывает нам жаркое и фаршированный перец, — зов плоти чужими молитвами не унять.

— А что, у вас сумасшедшие на кухне работают? — интересуется Пашка.

— Да какие они сумасшедшие? Здоровые молодые женщины...

— А что ж они тут делают? Лечатся?

— Здесь никого не лечат. Нет тут врачей. Это не клиника, это психоневрологический интернат. Они здесь содержатся, просто живут. Живут, как растения. На третьем этаже в клетках сидят буйные, на втором престарелые и инвалиды, а эти, — тычет батюшка рукой в сторону двора, — на свободном режиме. Помогают обслуге разносить обеды, работают за пачку сигарет на огородах в деревне, тыняются по окрестностям. Они здоровы и безобидны.

— Как же они попали сюда? — не унимается Пашка.

— По-разному. Родственники их в основном сдают. Небольшие деньги врачу за медицинское заключение, и девочка уже здесь прописана. Через два года она теряет бытовую социализацию и становится настоящей подопечной. Эту вот Инну привез сюда папа — морской офицер из Очакова. Она ему мешала создать новую семью.

Не влюбила будущую мачеху и не считала нужным скрывать это. Доигралась, — батюшка разливает остатки по рюмкам. — И таких здесь десятка два.

— И что, ни сбежать, ни спрятаться, ни исчезнуть в новую жизнь? — Пашка покраснелся и размахивает руками.

— Да бегут. Еще как бегут. Полгода назад командированные строители пооставляли им свои адреса, телефоны и уехали. Через неделю сбежали сразу пять девчонок.

— И что? — Пашка сидит за столом красный как рак, большие руки не находят себе места, голос сдавленный.

— Ничего, — отец Василий задумался и сквозь очки уставился в стол.

За окном во дворе выкатываются женщины в инвалидных колясках. Они собрались возле кучи опавших листьев. Отбирают самые красивые и аккуратно складывают к себе на колени.

— Барышни отправились в турпоход реализовывать себя...

— Закрой рот, — обрывает меня Пашка и как-то странно разглядывает. Неладно с ним что-то. Совсем неладно. — И где они сейчас?

— Да здесь все, — вздыхает батюшка, — одна на месяц в карцер определена, остальные — в районной больнице, после принудительного аборта отлеживаются.

— М-да, веселые стосунки... — Пашка сжал мне запястье. Рука клешня.

Мне больно.

— Ты что?

— Помолчи, сделай милость.

С трудом освобождаю руку.

— Не пей больше, а то рискуешь участвовать в этом походе по полной программе, не как наблюдатель. Придурок. Пошли, Витька, покурим.

Во дворе какие-то приготовления. Трое молодых парней в рабочих спецовках выстраивают коляски в одну линию и что-то говорят женщинам.

— Ну вот, началось, — вздыхает Витька и сплевывает на землю.

Парни смеются и дают какие-то наставления. У женщин в колясках напряженные лица, все смотрят вперед, как перед прыжком. Что-то до боли знакомое видится мне в этих приготовлениях. Через секунду все становится понятным.

Самый длинный хлопец достает из заднего кармана клетчатый носовой платок.

«Шумахер, даешь отмашку! Пошел!».

Коляски трогаются. Катятся очень быстро по неровным плитам двора. Глаза женщин широко раскрыты, вены на шеях вздулись от напряжения, плечи и грудь подались вперед. Скорость уже приличная. Две коляски сталкиваются у бордюра, беспомощные тела кулями валятся на бетонные плиты, еще одна не вписывается в поворот, переворачивается и выкидывает тело на каменную отсыпку здания.

Все происходит настолько до виртуальности быстро, что мы не успеваем опомниться и стоим с открытыми ртами.

А события разворачиваются дальше.

Хлопцы движутся к уцелевшей коляске. Поднимают ее на высокое крыльцо, церемонно преподносят букеты из опавших листьев, хлопают в ладоши, изображая аплодисменты. Самый длинный взбалтывает капроновую бутылку с минералкой и поливает водой всех. Крики «ура!».

Лицо у женщины — торжественная, блаженная маска, она прижимает к груди мокрые листья, на глазах счастливые слезы. Аплодисменты смолкают. Парни исчезают так же быстро, как и появились.

Во дворе перевернутые коляски, неподвижные тела.

Мы по-прежнему с открытыми ртами.

— Что это было? — прихожу в себя и рассматриваю счастливую обладательницу уцелевшей коляски. Она улыбается и уткнула лицо в грязные листья.

— Потом. Давай посмотрим, что с ними.

Переворачиваем коляски, поднимаем и рассаживаем женщин. Слава богу, все живы. Лица в крови, на запястьях ссадины.

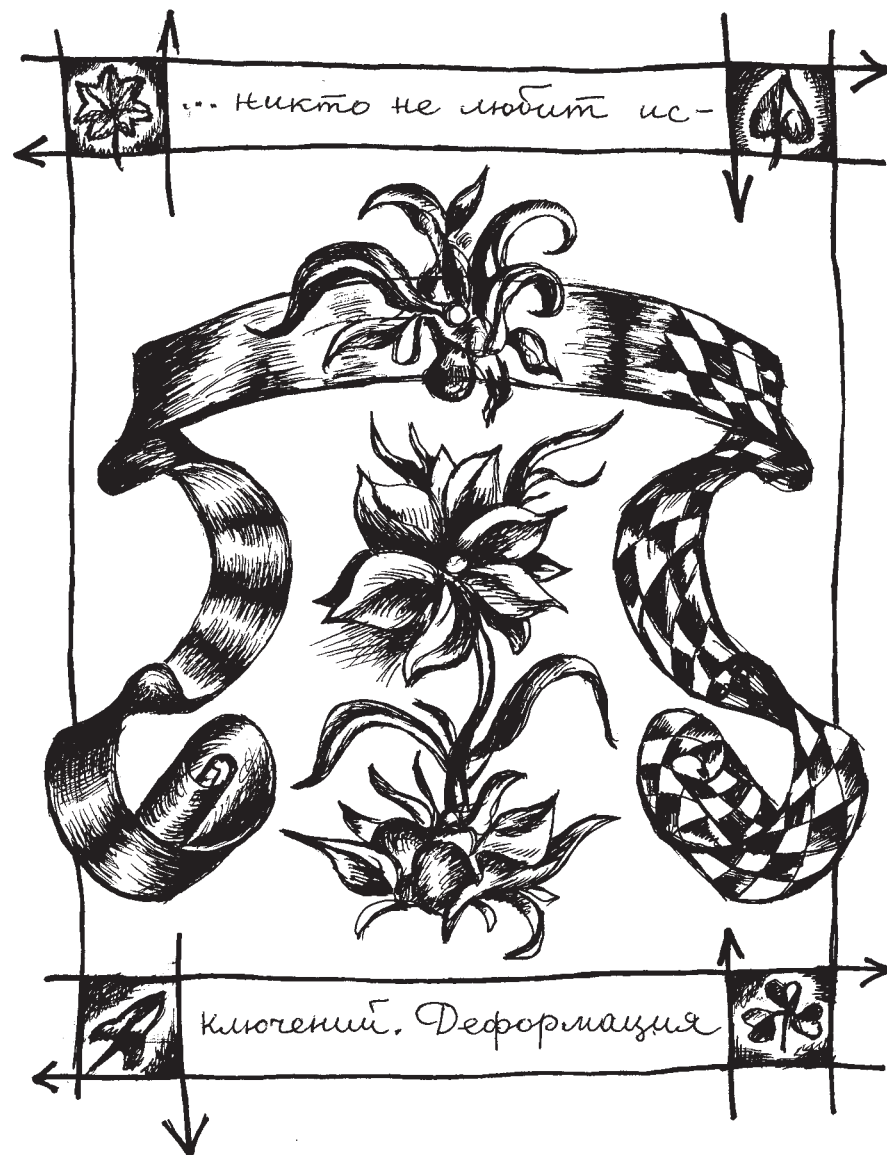
Оказывается, что они не на шутку расстроены неудачным заездом и бранятся друг с другом. Расстроены по-настоящему, и с завистью косятся на «победительницу». У той по-прежнему мечтательная улыбка.

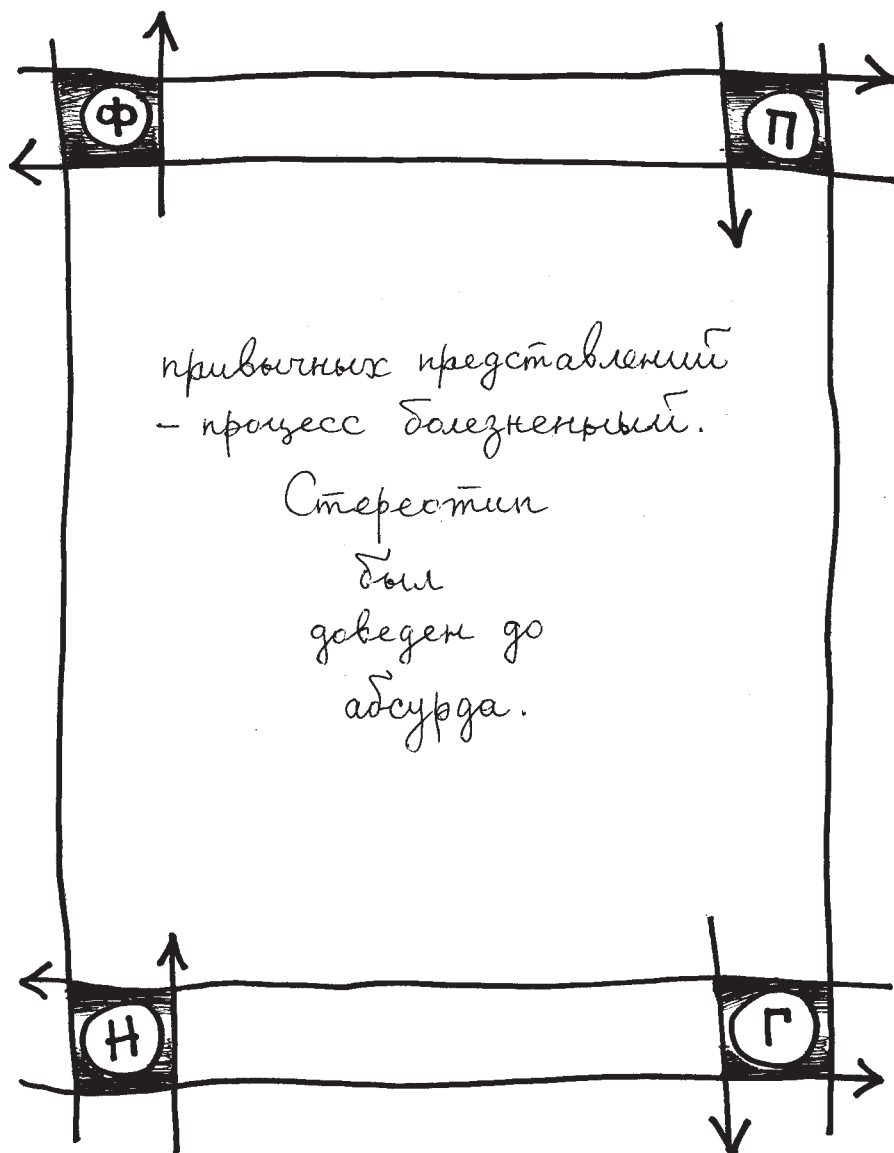
Снимаем коляску с крыльца.

— Что это было?

— А-а, — машет рукой Витька, — вентиляционщики развлекаются. Забава называется «Формула-1». Победителю обещано кино в клубе вечером. Для них поход с парнем в кино — эпохальное событие. Вот они и борются.

— Ну и что? Водят?

— Ага, как же. Кто им позволит? Это ж местные уроды.
— Нормально. Обещают и не водят. Хм. Ну-ка, пошли пообщаемся с ними.

— Уже общался, — Витька показывает забинтованную кисть. — Бесплезно говорить с вырождаками.

— Слава богу, Пашка этого маразма не видел.

— Как же не видел? Вон, смотрит, красавец.

В окне застывшее Пашкино лицо. Совсем бледное лицо.

Возвращаемся к столу. Все, хватит впечатлений. Я принимаю решение.

— Спасибо, отец Василий, за обед, приятно было пообщаться, — протягиваю батюшке руку, — через 20 минут наш автобус. Спасибо за все.

— Оставайтесь. Утром поедете. Утром городской совсем пустой идет.

— Спасибо, батюшка, надо сегодня вечером попасть в Николаев...

В прихожей какая-то возня и крики. Что-то падает, и опять возня.

— Что там батюшка?

— Вы где разделись с Павлом?

— В прихожей.

Батюшка быстро подходит к двери, открывает. Треск разрываемой материи, тяжелое дыхание и какое-то хриплое повизгивание. Подходим к проему. Две девчонки сцепились друг с другом и катаются по полу. С трудом их растаскиваем. Растрепанные волосы, опухшие губы, поцарапанные лица. В руках наши джинсовые куртки. Моя без рукавов, Пашкина совсем реставрации не подлежит.

Впросительно смотрим на батюшку.

— Это они постирать их хотели, — вздыхает отец Василий, — не поделили. Как только увидят беспризорную мужскую тряпку, сразу бросаются ее стирать. Инстинкты, открытая рана, бороться бесполезно.

Девчонки сидят, подогнули колени и плачут навзрыд. Пашка пытается их успокоить. Положил головы к себе на грудь, гладит по спине, что-то говорит.

— Что, дружище, заразная вещь турпоход? Даже для наблюдателя...

Не размахиваясь, Пашка ударил меня в лицо.

Дальше события развивались без моего участия, и в единую хронологию сложились из разных источников.

Удар был сильный. Меня отнесло к противоположной стене. Затылком я ударился о мраморную плиту немецкого умывальника. Состояние комы продолжалось 6 часов. Водка, нашатырь, эфирное масло — не помогло.

Пашка наотрез отказался оставлять меня в районной больнице и привез в Николаев, к доктору в БСМП. Дождался, пока я очнулся, и пошел с ним пить коньяк.

Неделю меня тошнило. Состояние протрации и депрессии сменяли друг друга. Кого-то я узнавал, кого-то не узнавал. Настойчиво бредил, по словам доктора, какой-то «методичной розробкой». Потом уснул на двое суток и проснулся уже здоровым.

На подоконнике цветы в графине. Тумбочка забита тетрапаком сока. Яркий солнечный день. Входит доктор.

— С боевым крещением, психоаналитик. К тебе на прием пациент просится.

В дверях Пашка. Похудел. Круги под глазами. Руки за спиной. Протягивает сверток.

— Вот.

— Что, вот?

— Сублимировал.

— Что?

— Энергетику.

Разворачивает сверток, протягивает картину в подрамнике.

Светлый осенний день. Женское лицо за стеклом. Нос и лоб расплющены о прозрачную поверхность. На губах блаженная, мечтательная улыбка.

Привал третий. Полковник

Не знаю, чем все это объяснить, но ему дозволено то, что другим категорически запрещается.

Общественное мнение, которое охраняет моральные устои, он приручил. И даже не приручил, а подчинил и заставил работать на себя. До сих пор не понимаю, как ему удалось организовать свое бытие по парижскому или бангкокскому подобию. Николаев совсем не pornostолица мира, планка социального эпатажа здесь выше асфальта не поднимается.

У него интересная семья. Живет в большой квартире с тремя тетками одновременно. Снимает эротические фильмы. Ездит по миру, устраивает какие-то фотовыставки, пару снимков опубликовал даже «National geographics».

Когда он в отъезде, его «курочки» скучают по нему совершенно искренне. Они начинают всех доставать, ходить без предварительного звонка в гости, насиловать своим общением, набирая по очкам утраченное к себе внимание. Мы уже привыкли и относимся к их посещениям созерцательно.

У всех одно имя. Все три Виктории. «Чтобы в койке с именами не путаться», — считает Пашка. Все, примерно, одного возраста: 28, 30 и 31. Все самостоятельные и при деле.

Не знаю, как он их различает, но у нас они зафиксированы как Белка, Стрелка и Булка.

Белка — породистая смешливая блондинка с волнующим бюстом. Работает в кредитном отделе коммерческого банка, очень добрая с круглым лицом. Всю жизнь худеет, шатается по разным фитнес-клубам. Болтушка редкая.

Стрелка — прямая противоположность. Худая, молчаливая, интеллигентная. Любит смотреть в окно на людную улицу, мечтательная кофеманка. Вчителька английского языка в школе.

И, наконец, Булка. Шторм, цунами, торговка с рынка. Заполняет собой все пространство, не любит чиновников. Гардероб из стрейчевых платьев и джинсов обтягивает карикатурные бидstrupовские формы. В пространстве — одна задница, наверное, потому и «Булка». Верующая, ходит в какую-то апостольскую церковь.

Они молоды, безвредны и, что радует, ходят общаться не втроем, а поодиночке. Беседуют беседы, выпивают все запасы кофе, убивают полдня драгоценного времени и уходят.

Если его нет долго, то возвращения ждут не только курочки, но и вся тусовка. Когда он приезжает, жизнь сразу налаживается, курочки гнездятся дома, и все вздыхают с облегчением.

Полковник — легендарная личность. Вообще-то зовут его Жора Маймескул, но у нас он проходит как «Полковник». Жорой его называют чиновники, иностранцы («Geordge») и малознакомые люди.

Ему 50, маленького роста, толстенький и лысый. Полугрек, полужид, чем-то похож на Дени де Вито. Живет легко, без напруги, порхает по жизни. С ним всегда радостно. Жизнь у него, конечно, не са-

хар, но все проблемы и неурядицы настолько далеко спрятаны внутри, что, наверное, так и умрет, мотыльком, от инфаркта.

В молодости окончил театральный институт. Пару сезонов провёл в амплуа положительного, как он сам говорит, «правильного» героя. Однако секретари райкомов, председатели колхозов, фанатичные правдоискатели деформировали воздушную психику Полковника, и он запил на полгода.

Его долго не выгоняли из театра. То ли не было подходящей замены в труппе, то ли «правильные» образы добавили ему харизмы в глазах местных чиновничков, но держали его до последнего. Выперли только тогда, когда он в кульминационный момент спектакля, произнося обличительный монолог коммуниста-правдолюбца, карандашом упал пьяный на сцену.

Полковник попил еще полгода и бросил навсегда. Года два тынялся по разным работам и должностям, пока не обрел себя в фотографии.

Летом бродил с «кодаком» по пляжам Коблева и Рыбаковки, зимой экспериментировал что-то в лаборатории. Постепенно стал узнаваемым фотохудожником.

Лет пятнадцать назад, когда мы копали античный некрополь в Рыбаковке, Полковник забрел ко мне в лагерь и полночи слушал археологические сказки про греков. С тех пор мы бесконфликтно дружим. Я дорожу этой дружбой. Когда сильно скверно, общение с ним может сравниться только с психотропной таблеткой. От Полковника всегда уходишь успокоенный и радостный.

Хорошая у него аура. Совсем хорошая.

Я давно отношусь к нему потребительски. Вот и сегодня, после больницы, решил зайти к нему в студию на Московской, повисить тонус. Дня три назад он пытался навестить меня со своими курочками, но доктор быстро вытолкнул их из палаты.

Фотостудию Полковник купил себе на гонорарные деньги от «National geographics».

В двух залах магазин со всякими причиндалами и фотоаксессуарами, в дальних комнатах — собственно студия и лаборатория, здесь же небольшой кабинет Полковника.

Киваю продавцам и прохожу прямо к нему. Жора по-домашнему, в каком-то задрипанном халате щелкает пультом, мотая пленку туда-сюда.

Обнимаемся.

— Выкабался?

— Вроде бы...

— Ты знаешь, — хлопает меня по спине, — есть хорошие новости.

— Какие?

— У тебя новая кликуха появилась.

— Какая?

— Психоаналитик. Нравится?

— Не очень, обезличенно как-то...

— Кличка — это новое имя. Оно и должно быть обезличенно. Ты его сам заполняешь личностным содержанием, и оно начинает жить ассоциативно с твоим образом.

— Что-то ты не сильно ассоциируешься у меня с армией.

— У меня ассоциативное содержание основано на противоречии внешнего образа и внутреннего мира. Внешность рядового и внутренний мир полковника заполняются мною гармонично.

— А что, у полковников есть внутренний мир?

— У полковников, хоть и ущербный, но есть, а вот у психоаналитиков только чужие миры. Тебя же хлебом не корми, дай чужой бред послушать, вопросы дурацкие задавать. Ты вообще провокатор по жизни, говоришь междометиями...

— Ну-ну...

— Вот, опять междометия. Все пытаюсь перенять у тебя эту способность — разговорить самую молчаливую тетку...

— Чтoб трахнуть ее потом без романтических стосунков?

— А что ж ее бесконечно слушать?

— Ты, наверное, хотел сказать «бескорыстно».

— Не запутывай меня.

— Ладно, психоаналитик — так психоаналитик. Буду заполнять форму содержанием. Расскажи про себя.

— Все прекрасно, Сережа, все здоровы. За тебя вот переживали...

— Барышни твои как?

— Нормально, стимулируют к труду. Они ж у меня толковые.

Полковник на какой-то антикварной спиртовке заваривает мне кофе.

— Кстати, у меня тоже застой в делах. Вторую неделю топчусь на месте. Никакого выхода. Может, мне тоже в дурдом съездить?

— Зачем суетиться? Скажи своим теткам, они тебе его на месте устроят. Тебе надо в армию, на зону или в мужской монастырь подаваться для сбора впечатлений.

Полковник закуривает и опять давит кнопки пульта. Поворачиваю кресло к экрану. Жесткая порнуха. Три креста. Реалистическая групповуха. Ахи и вздохи без перевода.

— Не хватает, не хватает эмоционального накала, — оглядывается на меня, — может, шумов добавить?

— Не знаю. Не разбираюсь в кинематографе.

— Может, убрать немного женского начала? Тут, по-моему, перебор, — гасит сигарету и опять оборачивается на меня.

— Спортивное кино — сложный жанр. У него специфические законы, которых надо придерживаться.

— Ну-ка, ну-ка, поведай старику, — Полковник суетится и проливает мой кофе на клавиатуру компьютера.

— Ты меня только что обозвал психоаналитиком, а теперь толкаешь на скользкую дорожку киноэстета, — не хочу говорить о порнухе, нет настроения. С Полковником приятно помолчать, послушать его жужжание ни о чем, а беседы беседовать — себе дороже.

И тут меня осеняет. Полковник ведь лабораторный экземпляр. У него три турпохода одновременно. Он растворен в романтических стосунках и закрепил их во времени своим фиксажем. Я разволновался от своего открытия и пытаюсь взять себя в руки.

— Это не я тебя обозвал, — возмущается он, — это народ...

— Зато ты первый обрадовал.

— Обиделся, что ли?

— Да нет. Почти престижно. Вот и тебя, красавца, насквозь вижу со всем твоим спортивным кинематографом.

— Это как?

— Неправильно все делаешь. Идешь проторенным путем, наступаешь на чужие грабли.

Полковник приглушил ахи и вздохи, закурил новую сигарету.

— Все так делают.

— При чем тут все? Ты ж целый полковник со своим внутренним миром, а штампуешь примитивную порнуху, от которой в сон клонит. У тебя спорт должен быть фоном, на котором разворачиваются совсем неспортивные события. Этот фон должен акцентировать внимание на ленивой бытовухе, которая развивается на экране. В твоем случае бытовое течение жизни будет тогда приобретать двусмысленность именно благодаря порнушному фону. Эта двусмысленность должна окрашивать все содержание в комичный, трагичный или эротический цвет, в зависимости от целевого эффекта, которого ты хочешь достиг-

нуть. Тинто Брасс первый это понял и стал классиком эротического кино, а ты тиражируешь учебные фильмы, да еще со жлобским, воинствующим провинциализмом.

М-да, кажется, насчет провинциализма я перегнул. Доброе лицо Полковника обозначилось трагической складкой, он как-то уменьшился, согнулся у стола, плечи опущены.

В мои планы не входит его тиранить, мне нужно от него другое. В конце концов, я привык здесь потреблять радостную энергию.

Молчим.

Поднимаюсь, подхожу, хлопаю его по плечу.

— Я не хотел. Ты ведь сам меня завел.

— Да нет. Все нормально. Просто у меня это не получится, я не знаю, как его делать.

— Кого?

— Ну, этот порнушный фон. Это ведь не статичные декорации в театре, это другое, это надо все ставить с ног на голову.

— У тебя-то как раз и должно получиться, — усаживаюсь опять в кресло и выключаю видик, — именно у тебя должно все получиться.

— Приободряешь?

— Ну я же психоаналитик, мне положено.

— Нет, серьезно...

— А серьезно, все не так сложно и запутанно, как тебе представляется. С чего у тебя начинается производство?

— Ну как с чего. Сначала ищу совершеннолетних добровольцев, затем павильон, где будет съемка, затем...

— Что затем?

— Затем они начинают заниматься сексом.

— Произвольно? Кто на что горазд? Вольные упражнения?

— Ну, не совсем так...

— А как?

— Ну, у всех есть жизненный опыт какой-то.

— И ты их заставляешь реализовывать свой опыт на съемочной площадке?

— Ну да, а как иначе?

— Неправильно это. Тебе надо идти консервативным путем. Сначала идея, затем сценарий, затем подбор актеров, затем актуализация эпизодов через музыкальное и художественное оформление, затем костюмы, шлифовка диалогов, и только потом, слышишь, потом на-

чинается твоя режиссерская работа. Поиск природы, акцентирование сценарного текста твоими инструментами.

У Полковника опять на лбу трагическая складка.

— А кто этим будет заниматься?

— Не знаю, кто, но это должны быть разные люди. Определись с инвестором, и вперед — снимать настоящее кино. У тебя получится. Ищи деньги и вперед.

— Есть деньги у меня...

— Да нет, я говорю про нормальные деньги.

— А у меня что, ненормальные?

— Пять копеек?

— Ну, пять не пять, а на часовое видео хватит.

Смотрю на Полковника. Нет, не шутит. Спокойные глаза. Неужели хочет расстаться со своими кровными ради зрелищной химеры?

— Тогда вперед. Помощь нужна?

— Подожди, давай подумаем. Художники есть, актеры есть, костюмы по дороге найдем, музыка у тебя в училище. Все вроде бы есть...

— Ты забыл самую малость.

— Что?

— Да так, ерунду: идею и сценарий.

Полковник задумался. Опять складка на лице, опять съезжился и плечи опущены.

— Идею могу подарить с барского плеча.

— Какую?

— Превращение романтических отношений в интимные. Процесс очень личностный и неповторимый в диапазоне от гусарской атаки до нудного церемонного ухаживания, от откровенных брачных игр до целомудренного общения на волнах, от корыстного рационализма до опрометчивого безумия и так далее. Очень хороший фон, можешь расставлять свои акценты как хочешь.

— А сценарий?

— Что сценарий?

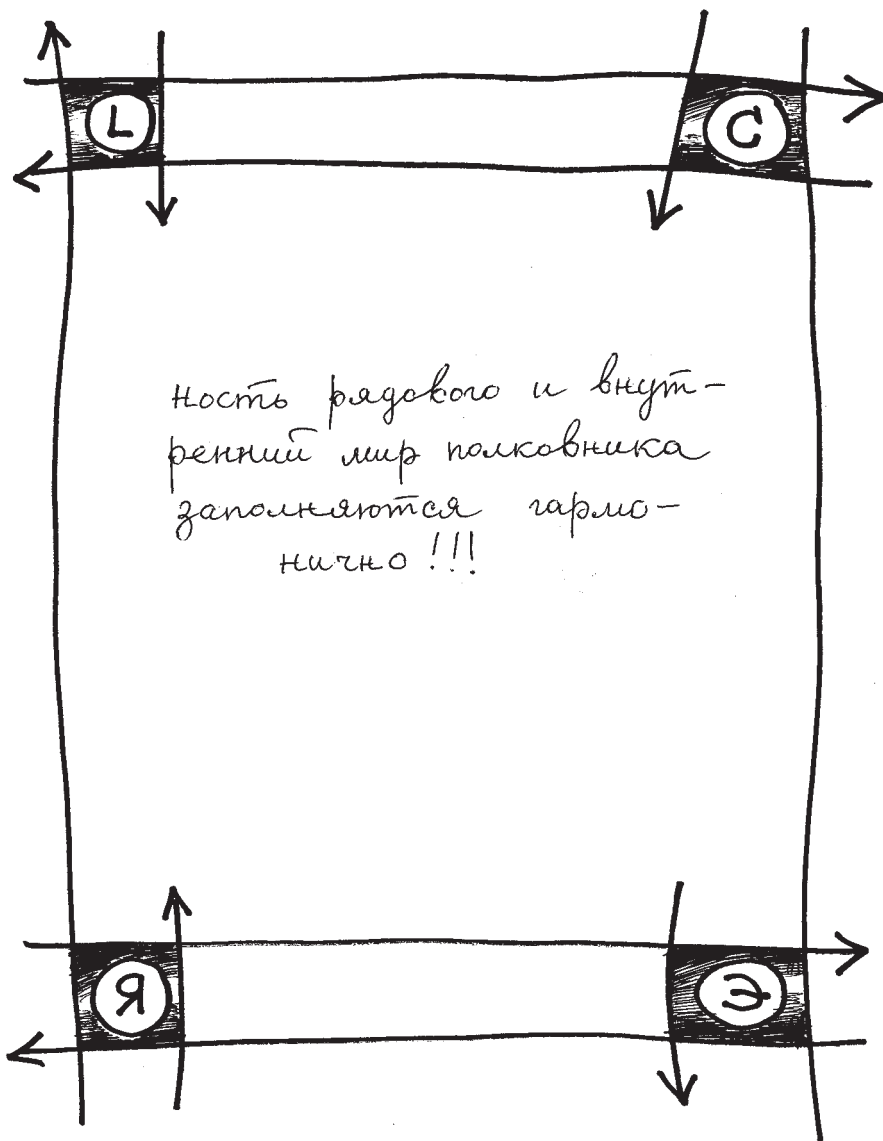
— Напишешь?

— Нет, конечно.

— Почему? Я тебя в смету внесу.

— Да не умею я писать порнушные сценарии, да и вообще никакие не умею. Найди кого-нибудь.

— Ну идея-то твоя. Кстати, она мне нравится. Может, попробуешь? Если не получится, тогда найдем местного шелкопера какого-нибудь.

Полковник уставился своими выпуклыми девитовскими глазами и ждет.

Мне почему-то делается беспричинно весело от такого оборота событий.

— Лады, у меня еще неделю больничный, попробую.

— Все, домовились.

— Только у меня условия есть, Жора.

— Какие?

— Если тебе моя писанина подойдет, то ты ничего не правишь и никаких титров.

— Ты что? Какие у меня титры?

Через два дня сценарий был готов. Еще через день отшлифован в диалогах. Оставшееся время я «репетировал» беседу с Полковником после того, как он его прочтет. Последствия в моем воображении рисовались самые разные: от полного и окончательного разрыва до удовлетворенного хмыканья заказчика.

В сценарии — турпоход. Эпатажная жизнь Полковника в южном провинциальном городе.

Назывался мой опус непонятно, с претензией на чистое искусство. Прошло уже два года, а мне до сих пор в нем нравится только название. Совсем нормальное название. С образовательным уклоном такое.

Невклидова семейка (Рабочий сценарий к фильму)

Мелькают черно-белые кадры хроники начала века, музыка расстроенного рояля сопровождает изображение.

На экране городская улица, замощенная булыжником. Здания — провинциальный ампир. Быстродвигающиеся фигурки людей. Мужчины в котелках с тросточками, дамы в шляпках с летними зонтиками. Церемонно приподнимают шляпы, кокетливые взгляды из-под вуали и зонтов.

Крупным планом вращающаяся дверь и стеклянная витрина. Вывеска — «Фотография Баума».

Внутри фотограф с «Лейкой» меняет в аппарате пластины и одновременно рассказывает людей в комнате.

Их двое. Мужчина в общевойсковом унтер-офицерском мундире. Женщина в нижнем белье. Черные туфли-лодочки, белые панталоны

до колен, кокетливо торчащие подвязки, корсажная кофточка едва прикрывает грудь.

Унтер-офицер сидит в кресле, левая рука на эфесе сабли, высокие сапоги блестят на первом плане.

Фотограф энергично командует. Женщина садится на правое колено унтера, обнимает его за шею, делает мечтательно-кокетливый взгляд. У мужчины суровое мужественное лицо.

Два мальчика-помощника разворачивают длинную плакатную надпись «Поздравляем с отправкой на фронт!» и водружают ее наверху.

Вспышка магния.

Меняются декорации. Новая плакатная надпись: «Желаем скорой победы». Женщина снимает с себя корсажную кофточку и с обнаженным бюстом садится на другое колено унтера. Смотрит из-под длинных ресниц прямо в камеру.

Вспышка.

На заднем дворе двое оборванных мальчишек подсматривают в щель приоткрытой ставни, отталкивая друг друга. Подходит третий, такой же оборванный.

Внутри снова меняются декорации. Женщина полностью раздевается и опять пересаживается на правое колено унтера. Обнимает, кладет голову на погон. Глаза томно полуприкрыты. Вверху надпись: «Жду с нетерпением».

На заднем дворе драка. Мальчишки не могут поделить место у заветной щели.

Обрыв пленки. Громкое стрекотание аппарата. Включается свет.

ЦВЕТНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

В пустом кинозале двое мужчин в темных очках и кожанных куртках. Удрученно молчат. Один маленький, толстый и лысый, второй — худой и высокий.

Толстый закуривает тонкую сигару и поворачивается к партнеру.

— Ну и что мы с этого имеем?

Худой молчит сквозь очки, задумчиво барабанит длинными пальцами по спинке кресла.

— Я усмотрел здесь только политику, — усмехается Толстый, — последний эпизод — прямой призыв к дезертирству.

Худой молчит и упорно барабанит пальцами.

— Твои предки-жиды рассылали на передовую псевдопатриотическую эротику, — не унимается Толстый, — кто же захочет воевать, когда твоя невеста на коленях у чужого мужика изнывает от истомы?

Худой по-прежнему барабанит какую-то мелодию пальцами, покачивая в такт головой.

— Я придумал, — хлопает себя по затылку Толстый, — в групповой фотографии выпускников военной академии на виньетках они у нас будут голыми по пояс, чтобы сиськи вываливались за виньетку...

Худой снимает очки, усмехается и тонким пальцем стучит по лысому черепу толстого.

— Ты опять ничего не понял. Нам нужна тайна. Гиперсексуальность достигается только через тайну. Это как в высокой моде. Сарафаны, куча нижних юбок, оборок, рюшей не заковывают женщину в доспехи. Одна ее обнаженная лодыжка в тувельке стимулирует мужское воображение сильнее, чем самые откровенные декольте и разрезы. Мои, как ты выразился, предки-жиды это прекрасно понимали и с помощью примитивных инструментов достигали желаемого результата. Доступное не бывает привлекательным. Пошли работать.

Поднимаются. Уходят.

Офисный кабинет. Высокие светлые потолки, жалюзи на окнах. Столы с компьютерами и телефонами, на светлых стенах рекламные календари и проспекты.

Худой барабанит тонкими пальцами по компьютерной клавиатуре, вытаскивает из принтера распечатанный лист, мнет и бросает в урну. Урна уже забита скомканной бумагой, а пепельница окурками. Худой откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы на затылке. Глаза закрыты.

Входит Толстый.

— Пошли, народ собрался.

Худой поднимает глаза и потягивается.

— Много их?

— Полный вестибюль, набились, как очаковская тюлька.

Идут по коридору через вестибюль. Здесь толпятся молодые девушки. Беседуют друг с другом, поправляют прически у зеркала.

Партнеры проходят в кабинет. На стене офисные часы. Стрелки показывают 11⁰⁰. В кабинете длинный стол, обстановка напоминает приемную комиссию в вузе.

— Поехали.

— Всех подряд или по алфавиту?

— Подряд.

Заходят девицы, что-то говорят. Меряют шляпки с вуалью. Командует Толстый. Худой молчит и наблюдает, отворачивается к окну и смотрит на оживленную улицу.

Двери открываются и закрываются. Девицы заходят и выходят. Говорят, меряют шляпки, приподнимают чуть выше колена подол платья. Стрелки часов показывают 16⁰⁰.

Толстый вытирает большим, как полотенце, носовым платком потную шею. Он устал. В вестибюле осталась последняя девица. Заходит. Воинственный макияж, ярко накрашенные губы, глаза — темные впадины, нарисованные брови. Садится без приглашения, нога на ногу, короткая юбка, белый треугольник трусов.

Худой по-прежнему смотрит в окно и, не оборачиваясь, беседует с Толстым.

— Ничего не получается, надо брать профессионалов.

— А деньги? Мы и так уже за смету вылезли. Знаешь, сколько они требуют за постельные сцены?

— Знаю, — Худой кивает через плечо, — ты вот с этой в койку ляжешь?

Девица сидит напряженная. Наглая самоуверенность сползла с лица.

— Это вы обо мне?

— О тебе, о тебе, красота небесная, — устало улыбается Толстый, подходит, склоняется перед ней и что есть силы натягивает задранную юбку на колени.

— Я на три дня умотаю в Киев, — оборачивается Худой, — попробуй еще поискать. И не тащи их сюда. Сам поброди, пооглядывайся, растрясси свою задницу.

Толстый слоняется по летнему городу. Выходит в Яхт-клуб к пляжу. В светлом костюме и легкой шляпе идет босыми ногами по песку, в руке туфли, брюки закатаны до колен. Повсюду загорелые женские тела, блестят от крема и воды, татуированные руки и ягодицы.

— Тайна ему нужна, — бурчит про себя, — где я ему в этом порнушном городе найду тайну?

Заходит в ночной клуб. Громкая музыка, обнаженные женские животы с персингом, трясущиеся в танце ламбадные бюсты в топиках.

Толстый продолжает обход по клубам. Везде одно и то же, везде демонстрация сексуальной привлекательности. Нет тайны, нет второго дна.

Света. Толстый в отчаянии. Выходит из очередного клуба. Со спины подходит проститутка, просит прикурить и что-то говорит ему. Толстый отрицательно качает головой.

Утро в разгаре. Он сидит под зонтиками в летней кафешке. Темные очки, измятый костюм, несвежая рубашка. Пьет кофе, читает какую-то газету. Сидит давно, две пустые чашки уже стоят рядом. За соседний столик усаживается ухоженная молодая женщина лет 30. Светлый

летний костюм, белая блузка, строгие туфли, прямая спина. На столе апельсиновый сок и кофе. Курит тонкую сигарету, задумалась, внутренняя улыбка каким-то своим мыслям.

Толстый поверх очков и газеты уставился на нее. Буквально ест глазами. Женщина что-то чувствует, отвлекается и оборачивается. Смотрит на небритую физиономию Толстого. Улыбается и вновь в своих мыслях.

Толстый поднимается и подходит к ее столику. О чем-то сумбурно говорит, размахивает руками с газетой, пытается шутить. Женщина молчит и с легкой улыбкой слушает. Толстый садится рядом, опять что-то говорит и протягивает визитку. Она смеется очень открыто и искренне. Никакого кокетства. С веселым любопытством слушает и опять смеется.

— Мне очень лестно, но зачем вам такая старая перечница, — голос — мелодичная ирония, совсем не прокуренный, — оглядитесь, кругом сплошная натура. Молодая поросль бродит повсюду, а для меня теперь «киндер», «кюхель» и «кирха» на первом плане.

— Уверю вас, уверю вас, вы рано себя хороните, — Толстый заметно волнуется и даже стал немного заикаться. Заикание придает его словам оттенок искренности. — Я вам очень хорошо заплачу...

— Вы издеваетесь. Меня весь город знает, — становится серьезной женщина. — Представляете, зав. кредитным отделом крупнейшего банка — порнозвезда. Меня с работы сразу выкинут...

— Да нет же, — в голосе Толстого неприкрытое отчаяние, — вам совсем не нужно участвовать в эротических сценах. Вы играете безымянный идеальный образ. Вот такая, как есть. Вам даже переодеваться не нужно. Вот так, как есть, без всякого грима. Нужно-то всего пара-тройка дублей. Ваша фамилия не будет упоминаться в титрах, да я ее и знать-то не буду. Поймите, нужно только ваше лицо, мне такого второго в этом городе не найти. — Толстый совсем разволновался и стал заикаться сильнее.

Женщина задумалась о чем-то своем. Глаза мстительно сощурились.

— Хорошо. Где у вас это происходит?

— Вот здесь, — Толстый показывает рукой на соседнее здание из стекла и металла. На самом верху по всему фасаду вывеска: «Фото-студия «Синее море».

— Сколько это времени займет?

— Час.

Женщина набирает на мобильнике номер и что-то говорит своему абоненту.

— Пойдемте.

Толстый быстро поднимается, в движениях появляется юношеская резвость. Женщина неторопливо встает, кладет в сумочку сигареты и зажигалку.

— У меня есть условие.

— Какое?

— Я должна буду просмотреть все отснятые кадры после монтажа, в компоновке с другими.

— Ну конечно, конечно.

Заходят в студию.

Вечер. Толстый выходит из монтажной лаборатории с кассетой отснятого материала. Проходит к себе в кабинет, вставляет ее в магнитофон. На экране появляется изображение без звука.

Молодой человек атлетического сложения говорит с кем-то по телефону. Кладет трубку, надевает куртку, выходит из подъезда. Садится за руль потрепанного фольксвагена и едет по городу. Подъезжает к большому особняку с коваными воротами, въезжает во двор и попадает через массивные двери в дом.

В доме девишник. Пожилые сорокалетние тетки заказали для подруги-именинницы мальчика. Встречают его аплодисментами, виснут на шее, рассматривают пьяными томными глазами.

Спальня. Широкая кровать. Сексуальная сцена.

Молодое спортивное тело атлета и женские целлюлитные ягодицы, опавший живот, обвислая грудь. Мальчик взобрался на именинницу и делает свою работу. На лице неприкрытое отвращение сменяется мечтательным выражением. Он грезит о чем-то своем. На экране появляется красивое обаятельное лицо зав. кредитным отделом крупнейшего банка.

Толстый бродит по Центральному рынку. Развалы фруктов, горы арбузов и дынь. Отщипывает с прилавка виноградину. Оглядывается по сторонам и движется дальше. Торговки заговаривают с ним, показывая на свой товар. Бросает пучок зелени в полиэтиленовый пакет, рассчитывается, смотрит вперед. Через два торговых ряда молодая женщина торгует яблоками. Крупные черты лица, веснушки, ослепительно белые зубы, голова в платочке. «Белое солнце пустыни», эстетический идеал красноармейца Сухова.

Подходит. Покупает яблоки. Заговаривает с ней. Торговка смущенно прыскает и машет рукой. Толстый лезет в карман рубашки, достает несколько зеленых бумажек и протягивает ей. Женщина кивает головой, вытирает руки подолом чистого фартука, берет у Толстого деньги и визитку.

СМЕНА КАДРА

Толстый просматривает смонтированный материал. Снова атлет, особняк, девишник, сексуальная сцена. Отвращение опять сменяется мечтательным выражением на лице мальчика и... на весь экран лицо торговли яблоками. Идеал красноармейца Сухова.

Толстый вошел во вкус. В походке появилась уверенность, ходит по городу уже не потерянный, как раньше. В зоопарке у входа о чем-то разговаривает с уличными фотографами. Проходит вереница маленьких детей. С ними воспитательница лет 35. Высокая, худая, но лицо доброе. Доброе и усталое.

Подходит, договаривается, дает визитку и деньги.

Опять особняк, девишник и... усталое лицо воспитательницы во весь экран. Лицо усталое и доброе.

— Можешь, когда захочешь, — удовлетворенно хмыкает Худой, вновь просматривая отснятый материал.

— Не когда захочешь, а когда припрет, — бурчит Толстый, — они все поставили условие.

— Какое?

— Хотят просмотреть отснятый материал до премьеры.

— Весь?

— Нет, только со своим участием.

— Прекрасно, — оборачивается Худой, — пусть смотрят. Это ж изысканный комплимент. Они все в образе идеала. Только ты приводи их по отдельности. Пусть на себя полюбуются. Как их зовут?

— Виктория.

— Всех, что ли?

— Всех.

— Не перепутай. Не покажи воспитателке торговку, а банкирше вчительку.

— А почему он такой у тебя переменчивый?

— В смысле?

— Ну, непостоянный.

— В смысле?

Мы сидим у Полковника в кабинете. У него на носу очки, в руках листы с моим сценарием.

— Почему у этого пацана во время акта появляются образы разных теток?

— А что, в этом месте нужна постоянность?

Полковник пристально разглядывает меня поверх очков. Долго разглядывает.

— Нельзя эстетический идеал менять, как перчатки...

— Ты перепутал эстетический с гастрономическим, но мне нравится твоя наблюдательность.

— Это как?

— Давай вместо теток поместим ему в идеальный образ тарелку борща с айсбергом мяса или отбивную. Эротический фон сразу обретет напряженность...

— Обретет, в блокадном Ленинграде, — Полковник медленно перелистывает текст. — А зачем тебе понадобилось укладывать Толстого в койку с тремя барышнями одновременно?

Мне делается неуютно. Сейчас он начнет примерять на себя весь сценарий, и мы рассоримся. Вдыхаю и собираюсь в кучу.

— Видишь ли, логика повествования неумолимо приводит к тому, что в интимных стосунках с Банкиршей он не может в полном объеме получить той отлетной любви, к которой мы стремимся всю жизнь...

Полковник внимательно слушает, прекратил нервно разминать сигарету.

— Толстый — неординарный человек, он многогранен. Для того, чтобы интимные и романтические отношения слились у него воедино, ему необходимо присутствие всех троих. Банкирша, Торговка и Вчителька способны только вместе создать такую цельность отлетного романтического бытия, которое для него является единственно привлекательным. В отдельности каждая из них может играть, в лучшем случае, роль спортивного снаряда. Никто не виноват, что они в изолированном состоянии ущербны и скучны для Толстого. У Банкирши не хватает душевной теплоты и сопереживания, у Торговки — мозгов, у Вчительки — иронии и рационализма. Зато все вместе они составляют идеальный набор качеств для создания романтического пространства.

Полковник подходит к окну, отодвигает тяжелую штору, закури-вает, долго смотрит на оживленную улицу.

— А что значит «Невклидова семейка»? — оборачивается ко мне и стряхивает пепел на ковер. — Совершенно дурацкое название, надо поменять.

Фу-у. Слава богу. Обсуждение перешло в область производственных деталей. Значит, ссориться не будем.

— «Невклидова семейка» — это рабочее название. Оно функционально само по себе. Моногамная семейная реальность требует от партнеров достраивать многомерное романтическое пространство в течение многих лет. В традиционной семье стороны пытаются найти друг в друге тот комплекс духовных качеств, который сложился у них в качестве идеала в добрачный период. Если они их не находят у себя, то пытаются потреблять недостающую романтическую ауру «на стороне» или, просто, разводятся. В любом случае, евклидова моногамия требует от участников самоотверженного труда, результатом которого является создание гармоничного духовного мира, где все чувствуют себя комфортно. Моногамная территория — это строительная площадка, на которой работы ведутся круглосуточно, без обеда и выходных.

— Ну-ну, только не надо театрального пафоса, — поворачивается Полковник и усмехается.

— Нет, ты дослушай, — я вижу, что он хочет вклиниться в монолог, и знаю, что начнет примерять сценарный текст на свою биографию. — В нашем случае Толстый, как продюсер, начинает строить многомерную семейную конструкцию из разных частей. Он уже в летах и ему не хватает биологического возраста создать свое романтическое бытие только с одной партнершей, поэтому три барышни одновременно — для него идеальная модель. Невклидово пространство, радостный мир.

— У тебя дар божий — вводить народ в заблуждение, — тихо улыбается Полковник, — и еще пытаешься умничать...

— Чего это?

— Ты пробуешь объяснить мою брачную философию...

— Получается?

— В общих чертах. У меня с моими курочками немножко все не так...

— Конечно, не так. Это ведь сценарий, а не твоя биография.

— Ладно, — он закуривает очередную сигарету, наливает воду в электрический чайник, — будем пробовать. Только тебе надо написать еще закадровый текст и...

— Какой еще закадровый текст?

— Какой-какой. Надо как-то объяснить твое дурацкое название. Напиши хотя бы то, что ты здесь сейчас наумничал.

Полковник исчез с моего горизонта на полгода. Его «курочки» забредали время от времени в гости. Сведения приносили самые разные: «Жора снимает серьезное кино», «Жора повез свой фильм на фестиваль в Россию», «Жора все держит в тайне и никому ничего не показывает» и т. д.

Моя преподавательская бытовуха и ежедневная проблемная те- кучка не давали даже возможности вспомнить о Полковнике. Он совершенно случайно всплыл недавно, когда в «Арт-лайне» попала- сь на глаза небольшая рецензия на «Невклидову семейку». «Смелый экс- перимент», «пионерное кино», «добротный андеграунд» и все такое. А потом он мне приснился. Приснился не очень хорошо. Приснился на каком-то пустынном пляже, с разбитым «кодаком» в руках и с доб- рой виноватой улыбкой.

Утром на студии сказали, что Жора уже месяц на работу не ходит, якобы болтается где-то в городе. Продащицы в магазине как-то сухо поздоровались и быстро отвели глаза. Домашний телефон Полковни- ка не отвечал, «курочки» уже месяц не появлялись, общие знакомые пожимали плечами и ничего определенного сказать не могли.

Ощущение чего-то непоправимого сопровождало меня весь день и... не напрасно.

Вечером я его увидел. На углу Декабристов и Дунаева он лениво отбивался от двух молодых пэпээсников. Без шапки, расхристанный, он пытался оттолкнуть от себя рослых сержантов, которые хотели подхватить его под локти. Жора был абсолютно пьян, он не мог раз- говаривать, он просто мычал. Мычал и отбивался.

За тридцать гривен с трудом удалось «договориться». Полночи он богатырски храпел на кухонном диване, затем проснулся и оставшие- ся полночи беседовал беседы со мной.

— Давно развязался? — отхлебываю кофе и рассматриваю его. Зрелище удручающее. Лицо в морщинах, редкие волосы, мутные гла- за, горестная складка пересекает весь лоб.

— А-а, — машет нетвердой рукой Полковник и тянется к гра- финчику с водкой.

Молчу. Графин дрожит в его руке, водка льется на стол.

— Давай помогу.

Полковник опрокидывает рюмку, кривится.

— Закуси, — пододвигаю тарелку с яичницей.

— Не хочу. Есть сигарета?

Закуривает. Спичка ломается, и пламя вплотную на его пальцах. Полковник не реагирует никак.

— Двадцать лет без спиртного прожил. Поверишь, Серега, двад- цать лет! Уму непостижимо! Как это я так смог, не пойму.

— Жалеешь?

— Да нет. Теток моих жалко.

— Что-то случилось?

— Да ничего особенного. Слиняли они от меня.

— Как слиняли? Куда?

— Как-как. Одновременно. Собрались вечером и ушли. Даже за- писки не оставили.

— К кому подались?

— По домам по своим разошлись. Так что, по твоей теории, у ме- ня сейчас привал в турпоходе, наверное, последний.

Полковник опять тянется к графину.

— Что, вот так просто, без повода, взяли и ушли?

Жора опрокидывает рюмку и снова не закусывает.

— Повод-то как раз и случился, — он опять прикуривает сига- рету, и опять спичка жжет пальцы, — они посмотрели мой фильм, мою «Невклидову семейку».

— И что?

— Что-что. Вопросы стали задавать.

— Какие?

— Какие-какие? Трудные.

— Какие?

— Кого я представляю из них в идеальном образе, когда трахаю кого-то конкретно.

— И что?

— Сказал, что всех троих одновременно.

— И что?

— Заревновали. К идеальному образу у них особое отношение. Тут тебе не койка, тут место только для одной.

— М-да. Дашь кассету посмотреть. Ведь я имею к этому отноше- ние...

— Имеешь, имеешь, дружище. Мой последний привал случился по твоей инициативе...

— Да ладно тебе причитать. Бросай напрягаться с водкой, и они к тебе вернутся.

— Не вернутся уже.

— Почему?

— Увлеклись новым ампула.

— Каким это?

— Нашли себе по мужику и создают «евклидову семейку». Так что у меня теперь долгий привал. Налей еще, Серега.

Полковник пьет и снова неудачно прикуривает, тонкие пальцы в копоты.

— Кассету возьмешь в офисе. Валяется на столе.

Фильм мне не понравился. Порнушного фона у Полковника не получилось. Опять откровенное спортивное кино, опять примитивное пособие для тинэйджеров. Все попытки режиссера создать что-то вроде цельного сюжета не удались.

Мне обидно за свой текст. Он здесь совершенно не нужен. Фильм можно смотреть вообще без звука, он от этого даже выигрывает. Музыка — убога, актеры — порнушная фактура. Все печально. Совсем печально.

Рука тянется выключить видик и... застывает.

На экране сцена.

Мальчик садится в машину, едет по вызову на девичник. Заезжает через кованые ворота во двор большого дома. Общается с пьяными пожилыми женщинами. Ведет именинницу в спальню. Сексуальная сцена. Молодое тело атлета и целлюлитные ягодички, обвисшая грудь именинницы. Разные позы без диалога. Мальчик делает свою работу. Постепенно безразличность сменяется мечтательным выражением лица. Он грезит. На экране одновременно, в трех овальных виньетках, появляется романтический идеал героя — изображение «курочек» — Белки, Стрелки и Булки.

Глава 2. Безопасность в турпоходе

«...Можно выделить четыре основные причины, вызывающие несчастные случаи в походе: слабая дисциплина в группе, недостаточная туристская подготовка и опыт, сложность естественных препятствий, неожиданное критическое изменение погоды. Самая опасная из этих причин — слабая дисциплина в группе. Игнорирование общепринятых норм поведения, лихаческое отношение к опасностям на маршруте, пренебрежение страховкой чреватые несчастными случаями...»

**Методична розробка викладача фізичного виховання
МДВМУ Бакланова І. А., Миколаїв, 2004, с. 9-10.**

Турпоход всегда проходит в агрессивной внешней среде. Интимные и романтические отношения в быту — относительно табуированная тема. В христианской морали брак — всегда таинство, соитие — мистерия, любовь — стыдлива, а слова, сопровождающие интимные стосунки, — целомудренны. В XX веке это табу нарушается. Литераторы начинают много болтать о сексе, а художники его представлять слишком откровенно. Божественная цельность интимных и романтических отношений заменяется дешевым стриптизом.

Нарушение христианского запрета мстит людям девальвацией эротизма и расширением номенклатуры половых извращений.

Агрессивная среда для турпохода объективно задана нашим прошлым через межпоколенную передачу обычаев, традиций, поведенческих стереотипов. Не все участники похода в XXI веке имеют мужество послать ко всем чертям заветы предков и разрушить привычные ритуальные модели, которые сопровождали отцов и дедов в их битловской, панкушной или рэповской юности. Не каждый участник похода имеет смелость творить свой уникальный романтический космос.

Однако враждебная внешняя среда — не главная опасность для туристов. В конце концов, к ней можно приспособиться. В походе су-

существует множество других коварных препятствий, которые преодолевать не все, а если и преодолевают, то не с первого раза.

Самый рискованный этап — начало романтических стосунков. Нежное время, общение на волнах. Нельзя форсировать события и провоцировать предмет своего вожделения на необдуманные поступки. Надо дождаться естественного развития ситуации. В это время происходит создание идеального образа партнеров. Они наделяют друг друга качествами, необходимыми для строительства собственного, неповторимого романтического бытия. Если этот процесс прервать — все пропало. Любовь завязнет в сексе, интимные отношения превратятся в спорт.

С другой стороны, если этот период искусственно затянуть, не прочувствовать вовремя его окончания, то процесс создания идеального образа войдет в завершающую стадию: гармоничная конструкция начнет ветшать и разрушаться под действием времени. Добавится какая-то негативная информация, которая оттолкнет стороны друг от друга. Наступит усталость. Романтизм не соединится с плотским вожделением.

Инструктаж по технике безопасности в походе — дело неблагодарное. Напоминает ситуацию, когда старая мать провожает сына на фронт и просит его осторожно переходить улицу, «на светофор». Достоин пережить это необычное время возможно, если усвоить тривиальную истину: не делать жизненной катастрофы из ситуации, когда романтические и интимные отношения не получили своего логического завершения. Чувственная страсть способствует зрелому бытию, и партнеры должны быть благодарны за радость, которую они принесли друг другу.

ВЕРУЮЩАЯ

По утрам мы с ней ведем теологические споры. Я — православный, она ходит в какую-то абстрактную церковь, то ли «Хлеб жизни», то ли «Жизни хлеб». Не помню точно.

Она гремит на кухне посудой и что-то втирает мне из Библии. Я еще сплю, вернее, выдавливаю из себя последние остатки сна. За окном зимнее воскресенье. Выходной. Есть смысл поваляться в постели до упора, наверстать недельный недосып.

Я, конечно, православный, но какой-то неправильный. В храм хожу редко, посты не блюду. Она, наоборот, прилежная прихожанка. Каждый вторник и четверг ходит на собрания к своим «братьям» и «сестрам». Чем они там занимаются — не знаю. Как-то один раз позвонил ей туда на мобильник, и в перепонки ударила забойная рок-музыка. «Что это у вас за проповедь такая?» — «Сегодня дискотека в храме». Вот так вот.

Она становится агрессивной, когда я лениво пытаюсь доставать ее веру. «Зато у вас в храме все руки лижут батюшке» (!).

Мне, собственно, глубоко наплевать, чем она занята вне койки, но последнее время ее зашкаливает. Любое мое слово, действие, мои телефонные разговоры комментируются цитатами из Библии.

Вот и сегодня она завелась с утра. Не помню, что я ей ответил спросонок, но уже минут двадцать она эмоционально бубнит у плиты, «дает достойный отпор».

Просыпаюсь, протягиваю руку за сигаретами. Первая затяжка включает меня в зимнюю реальность, появляются звуки. Звуки из кухни.

— ...отношения между мужчиной и женщиной, я имею в виду сексуальные отношения, должны приводить к рождению ребенка...

Она включила миксер, проповедь прервалась. М-да, что-то ее сегодня особенно штормит, такого еще не было с утра...

— ...в разговоре с сатаной Иисус говорил об этом. В Евангелии от Марка, не помню точно главу, он отвечает им, что если брат, имевший жену, умрет бездетным, то младший брат должен взять его жену, чтобы восстановить потомство, а если...

Опять миксер. Наверное, надо вмешаться, это патология, с ней совсем плохо. Вчера были на премьере знакомого режиссера в театре Чкалова, потом набрались на банкете, потом она пыталась сплясать на столе, потом я ее с трудом утащил домой, потом...

— ...если после смерти третьего взял ее четвертый брат и тоже умер бездетным, то...

Кофемолка. Нет, это уже слишком, надо что-то делать. Надеваю халат и двигаюсь на кухню. Она наклонилась к плите, говорит, переворачивает блинчики и одновременно выключает кофемолку.

— ...взял ее седьмой брат и тоже умер бездетным. Ответил Иисус сатане, что воскреснет она в детях своих, а в святое воскресенье из мертвых ни братья не женятся, ни сестры замуж не выходят...

— Ты переносишь селекционные принципы на человеческие отношения, рассуждаешь как зоотехник, которого волнуют проблемы рационального осеменения.

От неожиданности она вздрогнула и повернулась. Высокая, с маленькой аккуратной головкой, роскошные волосы, плотно сжатые губы, в руках тарелка с блинчиками. Состояние гнева. Боже, сколько в этой головке догматической бредятины. Открыла рот, хочет что-то возразить.

— Подожди, давай спокойно позавтракаем.

Волосы совсем рассыпались. Мне ее хочется...

— Нет, если ты такой умник, то и меня выслушай! — громко ставит тарелку с блинами на стол.

Все. Началось. Прощай, воскресное утро.

— Может, все-таки поедим спокойно...

— Даже ваш Августин уподобляет бесцельную сексуальную связь сатанинскому промыслу...

— Ну, допустим, он не наш, а католический...

— Какая разница, какой...

— Успокойся. Есть разница. Православие смотрит на таинство брака по-другому...

Телефон. Слава богу. Наверное, опять какая-нибудь «сестра» звонит. Ушла. Можно спокойно налить кофе и покурить.

Что-то ее понесло сегодня на брак и деторождение. С чего бы это? До полнолуния еще далеко. Эти апостольские посиделки кому угодно мозги набекрень свернут.

За окном ветер, голые ветки тополей, бесснежная николаевская зима. Вообще-то христианская апологетика всегда опускала руки перед толкованием таинства брака. Это привело к жестокому формализму. Церковь венчает молоденькую девочку и семидесятилетнего старца, за которого ее родители выдают замуж по корыстным соображениям. Священнику нужно только формальное согласие сторон, он не в состоянии определить, любят ли жених с невестой друг друга на самом деле. Брак превращается в мученический крест и страдание.

Церковь волей-неволей скрепляет семью формально и тем самым уничтожает таинство в природе, превращая брак в социально-правовой и экономический институты.

Священна, таинственна и мистична лишь любовь, свободная от социального формализма, вечная в единении духовного и плотского начал.

Этот мистический смысл любви не может быть раскрыт в фанатичном церковном сознании, это, скорее, предмет творческой этики.

Подлинная любовь — самое могущественное средство против животной похоти, и сводить все к воспроизводству и деторождению — дебилизм.

— Вот, — мои утренние размышления прерваны. Пришла и тычет мне раскрытой Библией.

Я совсем проснулся и рассматриваю ее. Раскраснелась и сразу похорошела.

— Отец Герберт посоветовал мне показать тебе Евангелие от Марка. Вот, глава 12, стих 20. Было семь братьев: первый взял жену и, умирая, не оставил детей, взял ее второй брат...

— И все семеро трахнули ее и благополучно скончались...

— *Не кощунствуй...*

— Она их всех похоронила и умерла последней...

— *Не кощунствуй...*

— Слушай, а ваш этот, как его... отец Герберт, тоже передает своих сестер своим братьям для деторождения по очереди?..

Я, кажется, переборщил. С ней тихая истерика. Снимает фартук, надевает джинсы и дубленку.

— *Бог тебя все равно любит, дорогой.*

Улыбается. Уходит.

Больше она ко мне не вернется никогда. Время от времени мы пересекаемся в городе. Здороваемся. Она сует мне в руку какую-то религиозную брошюрку и нежно целует в щеку.

ТАБЛЕТКА

Вовчик добрый и очень нескладный человек. Уши взлет, жидкий чубчик на лбу, походка гоблина, как у иноходца. Речь — поток сознания, чужие его понять не могут. Мысль опережает слово на два порядка. Любая одежда на нем выглядит несуразно. Гардероб — досадная дань условностям. Руки до колен. Издали похож на скрипача-вундеркинда. Он совсем взрослый, ему уже 37. Работает в женском коллективе. Молодые лаборантки меряют при нем свои тряпки.

Вовчик — старший преподаватель на кафедре политологии в пединституте. Год назад защитил кандидатскую, сейчас, по слухам, кро-

пает докторскую. Взятка не берет, живет один в квартире со строгой мамой. Он незлобив, студенты его любят.

Мы к нему привыкли, он неотъемлемая часть нашей тусовки, благодарно воспринимает любую бредятину из уст выпившего человека. Вовчик молчалив, на вопросы не отвечает, в диалогах не участвует. (Все равно никто ничего не поймет). Наши барышни после второго стакана садятся к нему на колени и нежно приобнимают за шею, он краснеет и открытыми ладонями отодвигает их от себя.

Вовчик нам нужен, как нужен художникам зритель, а ораторам слушатель. Он с детства на подхвате, без него ничего не получается. Одна знакомая вчителька, которая выросла с ним в одном песочнике, рассказывает, что в детских играх он всегда выступал в роли камердинеров, ординарцев, посыльных и прочих вторых лиц. Когда он отсутствовал, игра не клеилась. Все хотели быть мушкетерами, королями и графами монте-кристо, а какой же д'Артаньян без Планше и Портос без Мушкетона.

Игра без вторых лиц не клеится, совсем не клеится. Если он умрет или исчезнет — не склеится наше бытие.

— Бытие, бытие, — доктор обсасывает селедочный хвост. — Серега, давай его женим. У меня есть классная медсестра, добрая такая, сиськи и задницу с собой носит, фактурная опять же...

— Сиськи, задница, фактура: он не по сиськам и задницам, он романтик...

— Нет, она классная...

— Да хоть золотая, он романтик...

— Она как раз для романтика...

— Она что, никогда не хочет?

— Хочет, но как-то странно...

— Это как?

— Не так, как все. Как-то по-особенному...

— Камасутру на сон грядущий читает?

— Нет, — доктор закуривает и щурится на меня, — она таблетка.

— Какая таблетка?

— Любая. Цитрамон, анальгин, фталазол. Любая, в зависимости от твоего диагноза.

— Барышня-таблетка. Интересно...

— Распространенный тип, — доктор прикуривает новую сигарету, — в русской литературе хорошо просматривается, кстати...

— А-а, «Барышня-крестьянка» — вклиниваюсь я, и... мне делается стыдно.

Какая крестьянка? Там совсем о другом,

Доктор тактично молчит и делает вид, что о чем-то думает.

Нет. Не могу вспомнить.

— У кого это, док?

— Чехов. «Душечка». Помнишь? Она растворяется во всех своих партнерах. «Теперь мы с доктором лечим лошадей...» и все такое. Она типичная таблетка для всех своих сожителей. Как только они излечивались, то сразу избавлялись от нее. Она становилась вредна для здорового организма и иногда даже опасна.

— И ты, что, предлагаешь лечить Вовчика этой «таблеткой»? Ты ж ему даже диагноз не поставил. От чего лечить...

— Не надо никакого диагноза. Бросаем в воду: выплывет — значит плюнет на свою мамашу и будет строить жизнь сам, не выглядывая из-за ее подولا. Вот тебе и рабочий диагноз по дороге...

— И как ты себе это мыслишь?

— Никак. Все будет жизненно и естественно. Никакой собачей случки, он сам не заметит, как все произойдет.

— А как?

— Отстань. Не знаю.

Поболтали, поболтали и, вроде, как всегда, забыли. Ан, нет. Доктор в мелочах скрупулезен. Через две недели она уже резала бутерброды у кого-то на дне рождения. Зовут Алла. Высокая, длинные гладкие волосы, лицо скуластое, как у донской казачки, все остальное присутствует в избытке и даже чересчур.

Вовчик что-то почувствовал и совсем замкнулся, спрятался на задворках тусовки, затем вообще смылся по-английски.

— Ну что, брачный агент, — пододвигаюсь я к доктору и забираю у него фужер с минеральной водой, — клиент почуял опасность, экспромтом его не возьмешь, операцию надо тщательно готовить, тяжелый случай...

— Еще не вечер, подожди.

Ждать долго не пришлось, месяца через полтора на Большой Морской из окна маршрутки я увидел эту трогательную парочку. Она в белых брюках и футболке, донельзя сексапильная, слушает его и улыбается, он — в мятом сером костюме, в руках уродливый дипломат, что-то говорит, жестикулирует, мысли опять обгоняют слова, на ногах черные пыльные ботинки. Что можно понять из его болтовни?..

Еще через неделю встретил его у себя в институте и...не узнал. Совсем не узнал. Подстриженный, отмытый, в новых турецких джинсах и китайских кроссовках, Вовчик утратил свою обаятельную индивидуальность. Он перестал быть ходячей нескладухой, на лице появился волевой загар, и взгляд, как у настоящего плейбоя, оценивающий такой, в руках барсетка.

— Откуда это ты такой нарядный?

— Да какой нарядный. Обыкновенный.

— Да нет. Выглядишь, как дембель на свадьбе.

Здороваемся.

— Знаешь, Серега, жизнь поменялась у меня...

— Мама уехала в гости на два года? Ты остался беспризорным и сам готовишь себе кушать?

— Да нет, — машет рукой, — с мамой мы уже два месяца не живем...

— Мы — это кто?

И тут до меня дошло, что главное поменялось в Вовчике. Он стал нормально разговаривать. Нормальный интонационный строй, нормальные ударения и построение фраз, отсутствие замещающих жестов и слов-паразитов. Вот это да! У подростка пропадают прыщи после интимной инициации, а у переростка появляется нормальная речь.

— Вы с кошкой и попугаем покинули старенькую маму?

— А ты, что, ничего не знаешь?

— Нет.

Он подозрительно рассматривает меня.

— Мы с Аллой живем у нее на Декабристов.

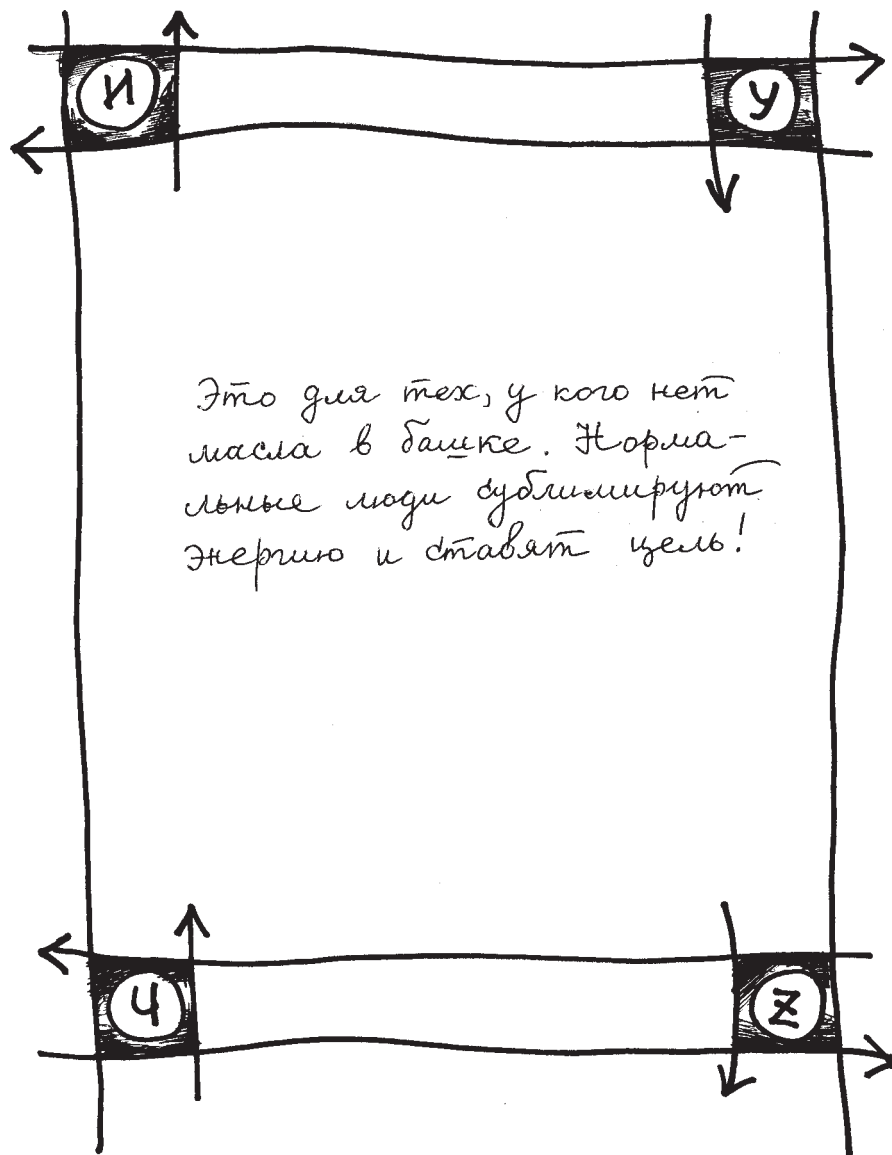
— С какой Аллой? — чувствую, что придураться уже бесполезно. — А-а, это с медсестрой, что ли?

— Знаешь, Серега, подожди меня. Я отдам на кафедру ведомости и через минуту спущусь. Пивка треснем, все новости тебе выдам. Лады?

Через полчаса я узнал, как коварный докторский план воплотился в реальность.

Все произошло до гениальности просто. Строгая мамаша Вовчика, Елизавета Борисовна, вздумала покормить своего любимого волнистого попугайчика, встала на табуретку, чтобы дотянуться к высоко подвешенной клетке, не удержалась и упала. Через своего сыночка попала прямо к доктору в БСМП с переломом ключицы. В конце концов, все родственники наши у него лечатся. Доктор, естественно,

пристроил медсестру Аллу присматривать за старушкой. А дальше все как по маслу. Елизавета Борисовна прикипела сначала к Алле, а потом заставила прикипеть и сыночка.

— В общем, пока мы живем хорошо и вроде бы не ссоримся, — закончил излагать Вовчик, — подходи как-нибудь, полюбуешься на семейную идиллию.

Спустя пару недель он позвонил мне и пригласил еще раз на какое-то семейное торжество, затем еще раз по какому-то поводу, не помню точно. Пришли мы к нему без приглашения и даже без звонка. Встретились случайно с Пашкой после работы у «Пионера», купили водки-селетки и зашли. Просто так зашли, на фонарь.

Дверь открыли после короткого звонка, сразу, как будто специально ждали. На пороге Аллочка. Джинсы, свитер, кухонное полотенце через плечо. Неприязненно рассматривает. Молчит.

Пашка втянул голову в плечи.

— Привет, мать, не узнала, что ли?

— Узнала как раз, — оборачивается и смотрит в глубь коридора. Лицо настороженное, как в минуту опасности.

— Не рада, что ли? — прет на рожон Пашка.

— Тихо, тихо, — шепчет она и морщится, как от зубной боли, — проходите тихонечко на кухню.

— Что случилось? — приглушает голос Пашка. — Заболел кто-нибудь?

— Володя работает.

— Как это работает! Давай тащи его сюда быстро...

— Нет, нет. Не надо, — вскакивает со стула и заслоняет кухонный проем всем своим роскошным бюстом. — Ему нужно срочно закончить главу диссертации. Не отвлекайте его. Я посижу с вами.

Расставляет тарелки и рюмки, разделяет нашу селедку. Все это очень тихо и очень быстро. Переглядываемся с Пашкой: «м-да, попали».

— Посидите тихонько, я на балкон за помидорами, — уходит на цыпочках.

— Доктор прав, — оборачиваюсь к Пашке, — действительно, Душечка. Могу поспорить, что она знает содержание диссертации лучше него.

Пришла. Быстро и тихо раскладывает салаты и помидоры, режет хлеб.

— А как звучит докторская в нашей молодой политологии? Что-нибудь о державной независимости? Ты знаешь, Алка, на Украине по-

литология изначально обрела паранаучную природу потому, что выросла из предшествующего научного коммунизма. Весь никчемный преподавательский корпус бросился реализовывать себя в новой оккультной дисциплине...

— Нет, нет, Сережа, у Володи все серьезно. Он занимается становлением украинского национального самосознания.

Кажется, я ее завел не на шутку, с полоборота. Сидим за столом и уже двадцать минут слушаем из уст медсестры лекцию о структуре этнического сознания.

— Давайте бахнем, — не выдерживает Пашка, — а то закипит сейчас.

Пьем и пытаемся закусить.

— Глубокая родовая этническая культура не позволила полякам и русским ассимилировать украинский народ...

М-да, завелась не на шутку. Нам совсем скучно.

— Слушай, Алла, ты его, что, действительно не позовешь, даже поздороваться?

— Нет, нет, хлопцы. Он сейчас с вами зацепится, а ему через две недели главу сдавать.

Мы не знаем, что делать, как поступить в этой абсурдной ситуации. Нависло неловкое молчание. Пашка первый приходит в себя.

— Слушай, мать, мы, конечно, неправы, что без звонка приперлись. Давай как-то это исправлять...

— В смысле?

— Давай, вы на неделе зайдете ко мне в мастерскую, пообщаемся, давно не виделись все-таки...

Очень быстро договариваемся о встрече. Много лишних слов и жестов, наконец выходим «на цыпочках» в подъезд. Фу-у, слава богу. Тяжело с «таблеткой».

Пашка заматывается в шарф.

— Пошли быстрее, надо принять противоядие. Это уже не таблетка, это колесо, и Вовчик подсел на него.

Заходим в «Ручеек» — кафешка напротив «Сказки».

— Ты знаешь, первый раз сталкиваюсь с таким типажом нагруженным, — Пашка цепляет вилкой маслину. — Бедный Вовчик, вот попал! От строгой мамочки к таблетке. Впал в наркотическую зависимость.

— Не переживай, ему это нравится.

— А у Чехова в рассказе чем все заканчивается?

— Хм... Заканчивается. Большой человеческой печалью заканчивается. Душечка превращала романтические стосунки в каторгу для всех. Защищала свой турпоход от агрессивной внешней среды всеми доступными способами. А это не есть хорошо.

— Как это?

— Очень просто. Свою первую романтическую привязанность — антрепренера — свела в могилу за два года, потому что «ставила с ним спектакли», второй — ветеринар, едва унес от нее ноги. Она пыталась с ним «лечить лошадей». Третий — лесоторговец, тихо ретировался из города, когда она вплотную занялась маркетингом с его поставщиками. Нельзя в турпоходе растворяться, нельзя романтические стосунки перегружать производственными. Ничего хорошего из этого не получается.

— В смысле?

— Одинокая старость. Все от бедняги шарахаются, а она у Чехова до гробовой доски всем продолжает навязывать свою нетленную любовь, которая перетекает в каторгу ее заботы.

— Подожди, — Пашка заказывает еще коньяк и два кофе, «по последней и на расходняк».

— Чеховская Душечка сегодня — раритетный тип. Современные барышни все меньше стремятся растворяться в романтических стосунках. Дело хлопотное и неблагодарное, а если учесть тотальный феминизм, привлекательность образа самостоятельной бизнес-леди, то все становится понятным.

— Точно, — прикуривает сигарету Пашка, — растворяться никто не хочет. У всех какое-то второе корыстное дно. Все от тебя чего-то хотят: денег, определенности в отношениях, строят в своих маленьких головках планы на совместное будущее. Никто не хочет просто радоваться сегодняшнему дню.

— И правильно делают, потому что реализуют себя в семье. Никто не стремится к статусу матери-одиночки. У всех здоровая генетика. У всех в подкорке образ обманутой женщины, такой классической бесприданницы. Писатели всю расстарались и убили привлекательность образа барышни, которая самоотверженно отдает себя романтическим стосункам, без всякого второго корыстного дна. Собственно говоря, «Бесприданница», «Катерина», «Анна Каренина» — это только красивое отражение действительности. Реальность в турпоходе была лет сто пятьдесят назад страшной и суровой. У всех теток, Пашка, в темных уголках сознания не дремлет родовая память о тех обидах,

которые они пережили в прошлых жизнях. А в нашем корабельном краю ситуация вообще отвальная была...

— В девятнадцатом веке здесь было очень мало теток...

— Вот, вот. Поэтому, чтобы всем хватало, была традиция — делиться барышнями...

— Это как?

— Очень просто. Уходит селянин в Николаев на промысел, подработать в городе и, чтобы молодая жена не отвлекалась от хозяйства и детей, передоверяет интимные стосунки куму, соседу или сельскому бобылю-инвалиду. Архивы синодального суда завалены делами «о прелюбодеяниях». Деревенская мораль была терпима к тому, что жены использовались в качестве залогового обязательства под заем или аренду.

— Это когда? При крепостном праве?

— Нет, это в начале двадцатого века. В Гороховке, село у нас под боком, один селянин, из местных, набрался до чертиков и пошел к местному кондуктору взять в долг еще вина. Кондуктор дал, но... в обмен на его жену. Три года молодая женщина кочевала с ним по городам и весям, прижила от него троих детей, и когда, измученная, постаревшая, вернулась к законному мужу в Гороховку, тот ее избил и выгнал со двора только за то, что она лишний год провела с кондуктором. С большим трудом, через решение волостного суда, удалось заставить парня принять жену и детей в дом. Представляешь, какая у нее жизнь после этого началась. И таких случаев два вагона.

— М-да, поневоле задумаешься, прежде чем растворяться в стосунках.

Кафешка работает до последнего клиента. Мы засиделись. Барменша демонстративно поглядывает на часы. Пора двигаться.

— Интересно, у Вовчика его «таблетка» растворится?

— Как же, дождешься. Это тебе не аспирин упса, это просроченное драже. Такое не растворяется, такое грызется зубами. У нее корыстные соображения, она даже не склонна их скрывать.

— Ну да, Вовчик невыгуланный, скоро начнет тяготиться этой плотной опекой, и кончится все банально...

Пашка тянется к сумке, пора уходить. Опять весь вечер о бабах. Нет — чтобы о вечном, об искусстве. Пора двигаться. Пора.

Наши прогнозы не сбылись. Вовчик не сбежал от своей «таблетки», хотя, по слухам, она его гнобит. Аллу мы уже не видели

года два. Он не любит выводить ее на люди. Зато он приходит к нам все время с разными барышнями. «Ударился во все тяжкие и навerstывает по очкам упущенное», считает Пашка и, наверное, лукавит. Вовчик стал лучше. Теперь у него не одна «таблетка», а целая «походная аптечка». Создает свою романтическую реальность. У него все получается. С ним всегда радостно. Благодарный зритель и слушатель, человек второго плана, гарант нашего устоявшегося бытия.

ЛЕТЧИК

Он летчик. Истребитель. Его учили истреблять «фантомы» и «миражи», а вместо этого он истребляет нашу николаевскую тлю и колорадского жука. Нарушает биогеоценоз. Авиатор. Насекомые слышат звук двигателей его кукурузника и прячутся под капустные листья. Они беззащитны и не знают, как с ним бороться. Они обречены.

Я тоже обречен. Он спит. Спит с моей любимой женщиной. Вот так вот. Ему ничего не стоит переспать с моей любимой женщиной. Его хлебом не корми, дай с ней переспать. Лучше бы он летал в дальние командировки, тогда у нас было бы время...

Она не может быть со мной, когда он находится в Николаеве. Она примерная жена. Если бы он летал куда-нибудь в Австралию отбомбиться на учебных стрельбах по подводным лодкам в океане, тогда у нас было бы время. Но он летает по Арбузинскому району и истребляет нашу тлю. У нас нет времени, совсем нет.

Я болею от этого. Надо успокоиться. Надо. Он нормальный парень. Целый капитан. А она капитанская жена. Он ни в чем не виноват. Просто ему не повезло, что я с ней работаю в одном месте и пялюсь в разрез ее бюста по три часа в день. Совсем не повезло.

В голову лезут самые радикальные мысли: отлупить его, заказать за 50 долларов, напугать... В общем, детство какое-то. Дурость, конечно, но я не могу долго без нее.

Она принципиальна и не спит со мной, когда он в городе. Вот и сейчас гладит по голове, успокаивает: «потерпи немножко». Она успокаивает, а капитан наверху летает. Абсурд какой-то. Маразм! Надо успокоиться. Надо.

Сельскохозяйственная авиация — мистическая штука. Нормальными мозгами невозможно понять, зачем разбрасывать дерьмо по по-

лям, чтобы собирать его опять по колхозным фермам. Разбрасывать дерьмо по полям — большого ума не надо...Надо успокоиться...

— А ты бы могла выйти замуж за ассенизатора?

— Тихо, послушай, — прижала мою голову к своему спортивному животу, — ничего не говори, не отвлекайся...

— Слушай, а аварии в малой авиации случаются часто?

— Помолчи.

Она по-прежнему гладит меня по голове. В этом есть какая-то правда и безысходность.

— Дерьмо будет сопровождать тебя всю жизнь...

— Заткнись! — перестала гладить голову и сильнее прижала к животу. — Слушай внимательно, внимательно, как акустик.

— Давай мы его переучим на стратегического авиатора. В Украине есть стратегическая авиация. Я слышал, в Броварах есть одна эскадрилья, которая летает без приземления полгода. Стратегическая авиация — это элита...

— Заткнись!

— Так мы ничего не решим...

— Давай переучим тебя на нормального парня. Лучше послушай, вот здесь вот.

Ничего не слышно. Ровное дыхание. Наверное, я плохой акустик.

— В стратегической авиации и зарплата выше...

— Помолчи. Неужели ничего не слышишь?

— Ничего. А что я должен там услышать? Симфонию Равеля?

— Я беременна. Во мне кто-то есть.

Обухом по голове. В этом животе кто-то еще есть посторонний!

Мы не одни, нас кто-то подслушивает.

— Не болтай, ты же говорила, что никогда не беременеешь...

— Говорила. Накаркала, наверное.

— Кто же счастливый папаша?

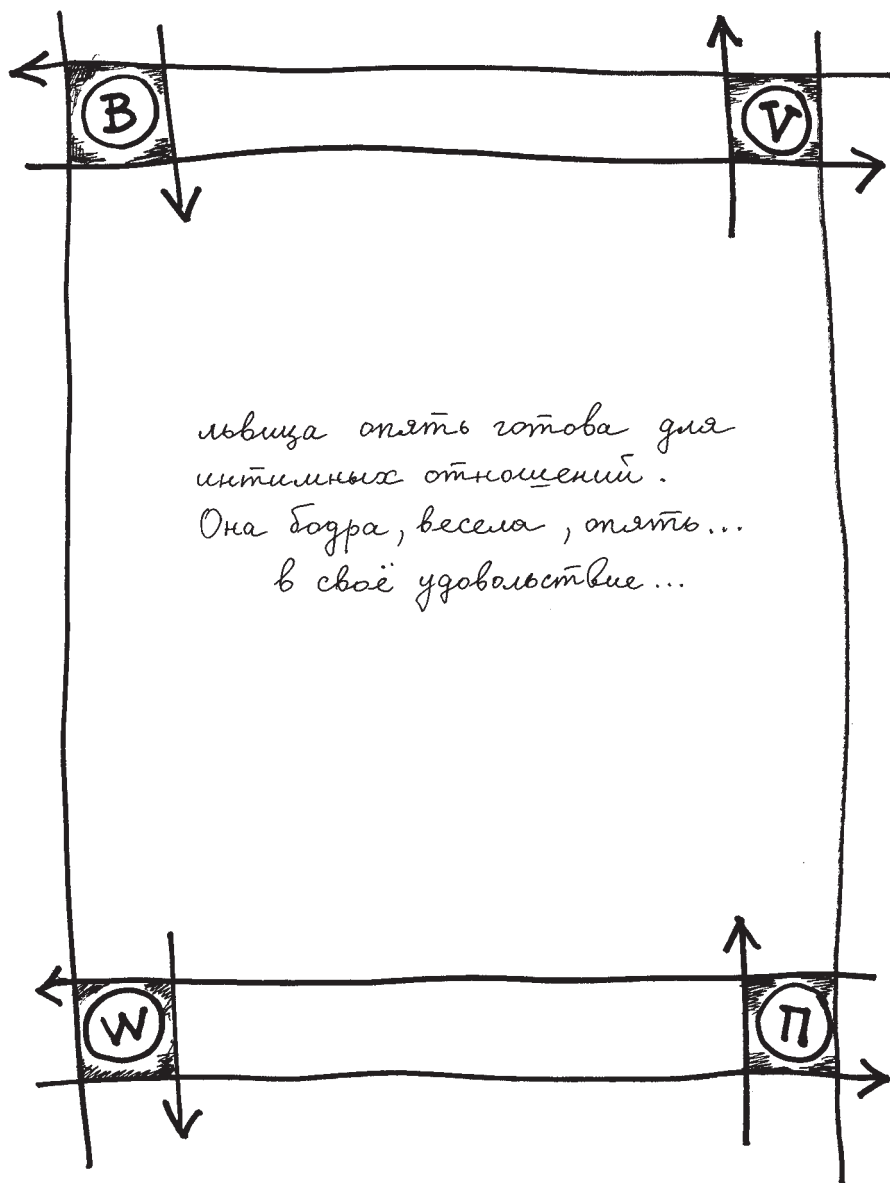
— Успокойся. Не ты. Я от посторонних детей не рожаю.

Вот так вот быстро можно стать посторонним в турпоходе. Отодвигает голову от живота и внимательно рассматривает. Я, похоже, сильно ошарашен и не могу скрыть этого.

— Кто же поселился в нашем животе? Маленький авиатор? Маленький преподаватель? Корабел, военный, бизнесмен...

— Не кричи. Я рядом. Чего ты орешь?

Действительно. Чего это я сорвался? Нельзя орать, когда утрачиваешь собственность в походе. Острое ощущение утраты пронизывает всего. Она рядом, но уже чужая, не моя.

Отхожу к окну, отодвигаю тяжелую штору. Людная улица, Октябрьский проспект, магазин «Турист» напротив. Люди заходят в парадную и выходят с какими-то покупками. Готовятся к турпоходу, приобретают оборудование, тщательно готовятся...

Собственно говоря, почему ее беременность обязательно должна означать какую-то утрату? Весь мир рождает детей от кого попало. Весь мир имплантирует свои яйцеклетки в чужие животы, пользуется банком спермы, и все давно определились с моралью по этому поводу.

— Человек поселился, — дрожащей рукой вытаскивает сигарету, прикуривает. Пламя зажигалки едва заметно подрагивает. — Мой человек. Я его давно ждала, — отвернулась и не смотрит в мою сторону.

Мне внезапно делается стыдно. Совсем стыдно. Я устроил истерику, потому что люблю себя любимого, мне, оказывается, себя жалко, потому что в нашем походе исчезнут интимные стосунки. Прожить год без отвального секса — трагедия. Я поступил как эгоманьяк. Прямая кишка на первом плане. Никакого сопереживания, одна обида за себя любимого. Неправильно все это...

Она курит и молчит, на меня по-прежнему не смотрит.

— Давай выгуляем маленького человечка. Кстати, сколько ему сегодня стукнуло?

— Месяц.

— Хм, ветеран. А зачем ты заставляла меня слушать? Его будет слышно месяца через три.

— Сердечко уже слышно, — улыбнулась и, кажется, оттаяла. Схватила под руку и потащила на лоджию.

— Не лети, теперь ты должна быть вальсяжной и перемещаться в пространстве белым лебедем.

— Лебедушкой.

— Сначала лебедушкой, а потом пекинской уткой с отечными ногами. Кстати, готовься, у тебя испортится характер, и нам с летчиком придется держать удары. Как у него с психикой?

— Нормально, как у всех летчиков. Самое главное, чтобы ты пережил.

— Прямо-таки самое главное...

— Главное-главное. По твоей теории, начинается трудный этап в турпоходе, надо его как-то пережить...

— Тебе повезло. Целых два самца, две взрослые особи, сменяя друг друга, будут носиться с тобой, как с писаной торбой. Затем временно притащатся в роддом, чтобы присутствовать при появлении третьей особи. Все будут счастливы, тотальное умиление. Кстати, есть опасность.

— Какая?

— Твой маленький человечек необязательно будет похож на реального отца.

— Здравсьте, а на кого же он будет похож?

— На того, с кем ты переживала наибольший накал романтических переживаний в последнее время. Могу с уверенностью сказать, что это не летчик.

— Откуда такая уверенность?

— Летчик доступен, легитимен, всегда под рукой и не всегда желанен. В стосунках с летчиком нет романтики. Стосунки с истребителем — обязательства, супружеский долг, иногда тяжкая повинность, короче, рутинный труд без праздника...

— Надо когда-то и потрудиться, — останавливается, садится на балконное кресло, поправляет юбку и опять тянется за сигаретами, — если праздник становится бразильским карнавалом, он превращается в суетливые будни.

— Вот ты и будешь тиражировать человека, с которым у тебя связан праздник, а это уж точно не летчик.

— Спасибо, добрый человек, успокоил. Думаю, что большой опасности нет. Маленький человечек не будет негром и на глазах у него не будет монгольского эпикантуса. Все остальное — ерунда. По твоей теории, он, скорее всего, будет похож на мою первую невостреванную любовь в тринадцать лет. На моего тренера по гимнастике...

— Он будет похож на самого любимого для тебя человека, от которого ты никогда в этой жизни не откажешься...

— На кого это?

— На тебя драгоценную.

Я ее обидел. Кажется, обидел сильно. Она к такому не привыкла. Растерялась и замолчала. Затягивается сигаретой, стряхивает пепел.

— А знаешь, ты прав, во время беременности иметь поблизости двух самцов — абсурд. Это самец, по природе своей, обязан находиться возле кучи беременных самок, как в львином прайде, как на лежбище моржей...

— Плохое сравнение. Лев убивает свое потомство, своих котят, чтобы быстрее совокупиться с самкой, утолить прямую кишку...

— Вот-вот. Так что двое самцов во время беременности — это опасно, — она повысила голос и покраснелась, сигарета в руке дрожит. — Собирайся и уматывай прямо сейчас, немедленно.

Вот так вот неожиданно заканчивается поход. Совсем неожиданно. Я не готов к такому финалу. Романтические стосунки не должны заканчиваться так бездарно. Я нарушил правила безопасности в турпоходе, и теперь мы вместе будем долго зализывать раны.

— Звонить тебе можно?

— Нет.

— Береги себя и не подпускай своего самца к потомству.

Через две недели она перешла в соседнее здание на другую кафедру, и теперь кто-то другой пялится в волнующий разрез ее бюста. В моем мире что-то изменилось. Будни стали пресными, люди надоедливими, краски тусклыми. Ощущение какой-то незавершенности и недосказанности не покидало меня два месяца и... не напрасно.

Еще через месяц столкнулся с ней на втором этаже «Детского мира», куда зашел между парами за кормом для кошки. Она стояла у прилавка косметического отдела и откручивала футляр помады. Меня, конечно, заметила, нарочито повернулась спиной, но то, что заметила, это точно. Подхожу.

— Привет.

— Ой, привет.

М-да, совсем не актриса. Даже удивление разыграть не может по-человечески.

— Хорошо, что подошел, — хватает под руку, — я соскучилась по тебе. Пошли усядемся куда-нибудь. Время есть?

Поднимаемся на второй этаж соседнего «Кооператора». Хорошая кафешка, бармены приветливые.

— Тебе чего?

— Кофе и пятьдесят коньяка.

И тут доходит наконец-то. Ведь она совсем не беременная, абсолютно не беременная. К чему тогда весь этот сыр-бор с ссорами и истериками?

— Как поживает твое потомство? — поддвигаю коньяк и кофе.

— Никак.

— В смысле?

— Он заставил меня сделать аборт.

Вот так вот. Лев сожрал своего котенка, и львица опять открыта для интимных отношений. Она бодра и весела, опять живет в свое удовольствие, опять прямая кишка на первом плане, опять привлекательна для самцов.

Наверное, правы католические клирики, что из всех сил сопротивляются узаконению аборт. Кого она, интересно, убила? Мальчика? Девочку? Неотъемлемое право на жизнь в Европе сохраняется только с одной стороны хронологии бытия. Человеку дают умереть самостоятельно, какие бы он деяния ни совершил. Отмена смертной казни повысила индекс ценности человеческой жизни. Другая же сторона личностного существования по-прежнему лишена божественной предопределенности и находится под контролем человеческого прайда.

Она пригубила коньяк и закурила. Внимательно рассматривает меня, ждет реакции.

— Ты неправильно выбираешь себе самцов. Они всегда будут пожирать твоих детей. Где сегодня твой летчик?

— Уехал в Киев на курсы, переучиваться.

— Да ты что! На стратегического авиатора?

— Нет, на пассажирского пилота. Будет летать в Австралию. Все как ты хотел. Теперь у нас времени будет очень много.

Не хочу ее расстраивать. Но время нам уже не понадобится. Круг замкнулся. Турпоход завершен. Наступила усталость, равнодушие стучится в двери. Оборванная жизнь похоронила романтические отношения. Мне предлагаются занятия в тренажерном зале по определенной методике.

— Давай я тебя познакомлю с хорошим спортсменом.

— С каким спортсменом?

— С опытным.

— Не поняла...

Все ты поняла, маленькое чудовище, но зачем-то лениво придумываешься. Поднимаюсь под ее вопросительным взглядом.

— Мне пора, — смотрю на часы, — звони, если заскучаешь.

Еще через месяц я встретил ее с каким-то пожилым «спортсменом». Она посмотрела сквозь меня и не поздоровалась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Туристические слеты и соревнования.

Подведение итогов в турпоходе

«...Туристические слеты и соревнования — действенные средства повышения туристско-краеведческого и спортивного мастерства туристов и пропаганды туризма, привлечения к нему максимального количества граждан Украины. Организация туристского слета осуществляется в соответствии с Положением о слете и включенных в него соревнованиях. В Положении обычно указываются цели и задачи слета, место и время его проведения, программа: определяются его участники и порядок выявления и награждения победителей. Руководит слетом штаб, соревнованиями — судейская коллегия, в состав которой входят и учащиеся... соревнования и слеты проводятся в течение одного-двух дней».

Методична розробка викладача фізичного виховання МДВМУ Бакланова І. А., Миколаїв, 2004.

Соединилось несоединимое. Приехала Галка, моя первая «американская» жена, из Сакраменто и без звонка ввалилась прямо домой. Ввалилась неожиданно, как всегда, и, конечно же, встретила с моей Татьяной. Застаю их у себя на кухне. После четырех горловых пар ничему не удивляюсь. Они мирно пьют на кухне кофе с каким-то ядовитым ликером, беседы беседуют. Меня не видно в темном проеме прихожей. Есть возможность понаблюдать за участниками похода со стороны. Разговаривают мирно и оживленно, жестами себе помогают. Идиллия такая. Не хочется их прерывать. Совсем не хочется.

Вспоминается недолгий университетский брак. Всего-то одиннадцать месяцев. Первый и самый светлый поход в жизни. Накал страстей утомил нас обоих. Романтические отношения так и не переросли в рутинную бытовуху. После развода она вышла замуж за какого-то американского военного и уже двадцать лет живет в Штатах. У Галки редкая специальность — лингвист, русский язык для иностранцев. Преподает американским шпионам и дипломатам русскую литературу на каких-то курсах в Пентагоне. По-русски говорит уже с акцентом.

Прожила в Америке содержательную жизнь, раз восемь выходила замуж и столько же пережила разводов. Через суды отгребла от своих партнеров кучу собственности и алиментов. Обеспеченная женщина, есть даже свое ранчо где-то в Огайо. «Грамотно» участвовала в походах,

я ее за это не осуждаю. Раз в пять лет приезжает на родину в Новосибирск, к своим родителям, и ради экзотики, наверное, навещает меня в Николаеве. Больше двух дней мы не можем плотно общаться. Обязательно ссоримся, и она быстро уматывает в одесский аэропорт. Через пять лет все повторяется до мелочей. Вот такой маршрут в турпоходе.

Наблюдаю за двумя барышнями: одна — опытная спортсменка, привыкшая ко всем перипетиям похода, грамотно дозирующая силы на всех участках маршрута, умеющая отдыхать на привалах, циничная эгоцентристка; вторая — молодая дебютантка, открытая всем ветрам и непогодам, полная жертвенной энергии и сопереживающая. Она, наверное, тоже скоро устанет растворяться в романтических стосунках. Остервеет и утратит цельность романтического бытия.

— Ой, привет, — меня заметили и обе движутся ко мне, по очереди целуют.

— Два часа смотрела на твои фотографии, — Галка поправляет юбку. — Спасибо Татьяне. Ты бы мне никогда их не показал...

— Что же ты нового для себя открыла?

— Ты нигде не позируешь и не смотришь в камеру. Ощущение — будто я за тобой подглядываю.

Она совсем плохо говорит по-русски, глотает шипящие окончания: «позируетчъ», «смотричъ».

— Давайте что-нибудь съедим, раз уж все собрались. Ты когда приехала?

— Два часа назад. У тебя есть не будем. У тебя все заморожено, поедим на стороне, это будет разумнее.

Опять этот дурацкий акцент — «разжюмнее». Опять она ворвалась и распоряжается моей жизнью. Повезло тебе сегодня — Татьяна рядом. Совсем повезло.

— Где это на стороне?

Все забыла, шизофреничка. Не знает лексики. «Ходить на сторону», «есть на стороне», убойще американское. Татьяна напряжена и пристально на меня уставилась.

— Мне таксист показал один приличный ресторан, как это называется... сейчас вспомню...

Морщит ухоженный лоб.

— Может, все-таки дома? Курица размораживается за двадцать минут...

— Нет-нет. Этот ресторан в моей гостинице... вспомнила! Пять углов.

— Где это?

— Это «Карат», — тихо вмешивается Татьяна.

Нормально. Поужинать за триста долларов. Я к этому не готов. Совсем не готов. Татьяна тихо улыбается. Молчание нависло. Не знаю, что говорить.

— Я все понимаю, — улыбается, виснет на мне двумя руками и целует в лоб, — я вас покормлю.

Опять это «покормлю». Дрянь американская.

— Пошли, отец родной, поужинаем на шару, — спасает меня Татьяна.

— Да-да, «на шярю», — набирает на мобильнике номер, — сейчас такси вызову.

Ташимся по Космонавтов через весь город на пять углов. Я на переднем сиденье, они сзади о чем-то тихо болтают.

Все дети репродуцируют семейную модель своих родителей. Причем повторяют ее на своем неповторимом уровне. У Галки была хорошая семья. Наши родители дружили по-соседски. Отцы — военные, мамы — вчительки. Лет пять жили в одном прибалтийском гарнизоне. Я ее знаю с горшка, когда она еще не была убойщем и стервой.

Мамаша у нее неординарный человек. Пережила все невзгоды и тяготы гарнизонного бытия с мужем, а когда ее благоверный сделал нормальную карьеру и превратился в преуспевающего полковника-штабиста не где-нибудь, а в Москве, — бросила его, бросила престижную квартиру в спальном районе, кажется, в Орехово-Борисово и вышла замуж за студента МГИМО. Будущий дипломат был моложе ее на четырнадцать лет. Поселилась с ним в студенческом общежитии, готовила ему всякие борщи и стирала тряпки. Дипломат подрос, сделал карьеру, превратился в вице-консула какой-то африканской державы и стал приударять за молоденькими барышнями. Она его тут же бросила и приехала в Москву начинать все сначала. Сорокалетняя тетка выходит замуж опять за двадцатипятилетнего (!) пропойцу-журналиста, «строит» его, превращает в трезвенника и делает из алкоголика целого депутата Моссовета. Переезжает в престижный район на Новокузнецкую и... опять адюльтер, опять все сначала. Потом были неудачники-актеры, непризнанные изобретатели, «гениальные» поэты и,

кажется, кто-то из художников-митьков. Она всех выводила «в люди» и никому не прощала неверности в турпоходе. Сейчас ей почти семьдесят или около того, живет в гражданском браке с каким-то пчеловодом в Новосибирске. Он моложе ее на целых пять лет и, наверное, поэтому хранит ей верность. По слухам, заставила своего благоверного заняться фармацевтическим бизнесом на основе каких-то пчелиных препаратов. Наступает на старые грабли. Если он преуспеет, она опять бросит его и отправится дальше в турпоход по маршруту.

Приехали. Навороченный «Карат». Мальчик в какой-то несуразной ливрее открывает задние двери такси и под белы руки ведет теток в ресторан. Нормально. Потуги провинциального города на роскошь. Пролетарская генетика корабельного края надолго убила навыки обращения с VIP-персонами. Натянутые улыбки официантов и метрдотеля (не любят капиталистов), куча какого-то абстрактного народа, который бестолково суетится вокруг нас и... зеркала, зеркала. Интерьер еще тот. Чувствую себя как в сортире.

Оказывается, Галку тут знают. Она единственная клиентка в этой гостинице, и вокруг нее все вертятся. Это хорошо, мы с Танькой на заднем плане и нам так комфортнее.

Галка переходит на английский и что-то заказывает. Официантка морщит лоб и застыла с карандашом в руках. Мне делается беспричинно смешно.

— Ты еще с ними на суахили поговори, они тебя быстренько поймут.

— Я все поняла, — поджимает губы официантка и уходит.

— Не раздражай их, мне тут целую ночь спать.

Изучает меню, морщится, подзывает какого-то мальчика и опять говорит на английском. Рассматриваю ее в ярком свете. Постарела и стала похожа на мою первую тещу. Стервозные морщинки возле рта, волевой мужской подбородок и... печаль — глаза в контактных линзах. Все искусственное, бумажное, как пицца в «Макдональдсе». Поворачивается к нам.

— Хочу тоже кое-что показать, потерпите, я схожу в номер.

Уходит. Оглядываемся с Татьяной по сторонам. Громадный зал, столы до горизонта. Мы одни на этом аэродроме. Совсем одни. Приносят картины и какие-то салаты. Улыбки у официантов чересчур приторные.

— Куда это ее понесло? — Татьяна лениво оглядывается по сторонам и отхлебывает воду из фужера.

— Не знаю, наверное, чем-то удивлять будет, — мне не хочется торчать в этом блестящем сортире под занавес рабочего дня. — Давай быстренько закругляться, завтра плотный день...

Пришла. В руках маленький альбом с фотографиями.

— Вот, — протягивает лакированную книжечку, — здесь вся моя американская «щиснь».

Чистенький одноэтажный домик, ухоженная лужайка, какие-то мужики с клюшками для гольфа.

— Редкий кадр, — тычет вилкой в фотографию, — здесь они все вместе собрались. Слетелись на день рождения.

— «Они» — это кто? — я уже видел эту фотографию и слушал повесть о ее «счастливых» браках. Ничего, потерплю, пусть и Татьяна послушает о чужих турпоходах и о хватательных рефлексх в романтических стосунках.

— Что это за аксакал? — тычу пальцем в самого пожилого мужика на фотографии. Совсем старик, но созерцательного опыта в глазах нет.

— Это Итон — моя самая первая любовь, — отхлебывает глоток martini, — директор полицейской школы в Мэриленде. От него остался лесной домик и две лошади в конюшне ипподрома в Фениксе. Хороший малый. Если бы не заставлял меня пересказывать эти дурацкие бейсбольные матчи, которые он не мог смотреть из-за своих командировок, до сих пор бы жили вместе...

— А что, бейсбол такая каторга?

— Нет, просто его транслируют всю ночь, а я люблю спать в это время...

— А это что за красавец? — показываю на толстого парня, который улыбается во весь рот вставными зубами.

— О-о, это Джозеф, это нечто, — разводит руками. — Талантливый малый, фармацевт. Заработал свои деньги на антиалкогольных препаратах. От него у меня осталась квартира в Сакраменто и коллекция индейских трубок. Жаль, что яхту успел отослать брату, а то можно было бы попутешествовать.

— Чем же тебе не угодил талантливый малый?

— Малый — чудовище. Я с ним чуть алкоголичкой не стала, — делает большой глоток мартини, — заставлял меня напиваться три раза в неделю, а затем кормил своими вонючими антиалкогольными пилюлями. Самый легкий судебный процесс, он все отдал без сопротивления. Иначе пришлось бы выдвигать обвинение о покушении на мою жизнь и здоровье...

— Ну да, ты ведь выпить совсем не любишь...

— А это что за симпатяга? — вмешивается Татьяна и гасит перебранку в самом зародыше, тычет салфеткой в худого симпатичного парня, который разлегся на лужайке в самом центре групповой фотографии.

— Это Ален. Моя самая сентиментальная привязанность. Мы с ним даже чуть-чуть детей не завели, — поддевает вилкой кусок рыбного рулета. — Финансист. Специалист по банкротствам. Очень богатый человек, покупает картины в Европе, дома на втором этаже уже целая галерея. От него у меня осталось ранчо на 400 акров в Огайо и маленькая радиостанция, тоже, кстати, доход приносит. Небольшой, но доход. Мы прожили четыре года, и всего три раза занимались нормальным сексом. Пришлось расстаться.

Мы с Татьяной тактично молчим, а ее несет в даль необъятную. Татьяна перестала есть и сделала внимательное лицо. Слушает. Я знаю Галкину брачную эпопею, и мне не интересно. Сейчас настанет очередь винодела, с которого она поимела пожизненные алименты, затем архитектора — доход с пентхауса в Хьюстоне, потом был какой-то гангстер, от которого осталась «головная боль», и еще кто-то, не помню точно.

Мать и дочь. Два турпохода, почти параллельно, две модели романтического бытия. Обе могут подводить итоги. Мамаша в семьдесят выглядит моложе, чем дочка в сороковник. Мамаша купается в любви под занавес жизни и рискует умереть в один день со своим благоверным. Дочка заканчивает поход в одиночестве, в компании с бухгалтерскими счетами...

— ...я ночью, в чем мать родила, сбежала от него и пряталась у подруги, пока его не посадили, — возвращает меня в реальность Галка рассказом о романтических стосунках с гангстером.

Всю сознательную жизнь она использовала мужиков. Именно использовала, извлекала полезные свойства из партнера. Утилитаризм

в турпоходе никому не прощается. На финишной прямой она превратилась в жесткую, подозрительную барышню. Судя по рассказам, одинока и без детей. Постоянная клиентка престижных брачных агентств. Способность самостоятельно генерировать романтические стосунки атрофирована. Под занавес жизни проснулась дремавшая генетика: она чего-то хочет, но не может этого для себя сформулировать. Два раза пыталась заговаривать со мной о «достойной совместной» старости. Не хочу ее расстраивать, но без совместного похода никакое семейное бытие не возможно.

Через три месяца выходит из тюрьмы ее гангстер, судя по эмоциональному рассказу, она его ждет. Криминальная старость стучится в двери. Раз в месяц ездит к нему на свидания в федеральную тюрьму. Ей одиноко. Совсем одиноко.

С крыши нашей девятиэтажки на тринадцатой линии открывается панорама мешковского кладбища. Это целый город. Сектора-районы ровными квадратами. Планировка как в городе. Есть престижные районы, есть пролетарские, есть военные сектора, есть бомжатские. Могилы ухоженные и заброшенные. Лежат участники похода. Последний привал. В семейных оградках живые приготовили место для себя, на табличках пока одна дата рождения. Живые верят в свой поход на следующую жизнь, а значит, она продолжается.

Г 12 **С.І. Гаврилов. Турпохід. Повість.** — Миколаїв: Видавництво
Ірини Гудим, 2005. — 110 с., іл.

ISBN 966-8592-06-9

Життя — природний наслідок кохання (втім, як і смерть). Але що є кохання? Це знання набувається лише індивідуальним шляхом. На чужих помилках не навчитися. У кожного свої грі, шрами і травми, не сумісні з життям. Тому любов і смерть — вічні теми мистецтва.

ББК 84 (4Укр-Рос)6-4

УДК 821.161.2

Гаврилов Сергій Іванович

ТУРПОХІД

Повість

Комп'ютерна верстка — Д.О. Майдан
Коректор — Т.І. Чернова

Здано до набору 13.03.2005 р. Підписано до друку 04.04.2005 р.
Формат 60х90^{1/16}. Папір офсетний. Гарнітура Newtoon. Друк офсетний.
Ум.друк.арк. 7,0. Обл. -вид.арк. 5,25. Тираж 1000 прим. Зам. № 54.

Видавництво Ірини Гудим

Свідоцтво про державну реєстрацію № МК 3 від 14 травня 2002 р.
54030, м.Миколаїв, вул.Адміральська, 20. Тел. (0512) 35-23-36, 35-20-18

ТУРПОХОД

